

ГЛАВА 1

УЧЕННЫЕ КОМИТЕТЫ И СОВЕТЫ МИНИСТЕРСТВ И ВЕДОМСТВ В ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ XIX В.

1.1. Предпосылки, условия и особенности формирований министерских ученых учреждений. Проблемы типологии и периодизации министерских вспомогательных ученых подразделений

Конкретизация объекта изучения применительно к поставленным исследовательским целям далеко не так проста и содержит немало внутренних проблем и противоречий. Беглый обзор задач и направлений деятельности правительственных учреждений в XIX в. наглядно показывает, что очень многие из них в том или ином виде решали научные задачи.

Руководство большинством научных и учебных учреждений, контроль над научными обществами осуществляло специальное ведомство: Министерство народного просвещения, в непосредственном подчинении которого находилась Петербургская академия наук и некоторые другие научные учреждения. Существование научных подразделений в структуре других ведомств, например, Императорской археологической комиссии в составе Министерства Императорского двора¹, можно рассматривать, скорее, как проявление патронажа, хотя и осуществляемого со вполне прозрачными целями. Наконец, можно привести немалое количество примеров, когда некоторые функции, определяемые как научные, возлагались непосредственно на столы и департаменты министерств. Таким образом, четкое определение подразделений*, которые будут являться предметом изучения, необходимо.

* В своей первой работе, посвященной данному вопросу, автор использовал понятие "министерских научно-вспомогательных подразделений". В ходе обсуждения книги, автор принял высказанные возражения. Дискуссия послужила

Одним из первых исследователей, попытавшихся определить место и роль ученых министерских подразделений, была Е.В. Соболева. Она рассматривает специальные подразделения министерств и ведомств - ученые и технические комитеты - как "органы по руководству наукой ... в масштабе соответствующей отрасли", отмечая, что они выполняли и некоторые исследовательские функции². Е.В. Соболева строит свою систематизацию, главным образом, на основе терминологических, т.е. формальных признаков. Однако, как мы увидим в ходе последующего анализа, обозначение того или иного органа как ученого комитета далеко не всегда предопределяло постановку перед ним научных задач и функций.

Следует отметить, что адекватному определению самого понятия "ученый комитет" препятствует несовпадение семантики термина "ученый" в языке начала XIX в., когда возникает данное понятие, и в современном русском языке. В лексике начала XIX столетия отсутствовало прилагательное "научный"³. Процесс становления науки как социального института в структуре российского общества, не заверченный еще в первой половине XIX в., не сформировал и соответствующей терминологии, обозначающей совокупность явлений, принадлежащих науке⁴ как специфической сфере деятельности. Использовался термин "ученый", который имел ряд значений. Главными из них были: "соединенный со знанием", "просвещенный учением"⁵. Таким образом, в языке первой половины XIX в. "ученый комитет" в буквальном смысле это не обязательно научное подразделение, но либо учреждение, включающее в свой состав "ученых людей"⁶, либо учреждение, деятельность которого соединена со знанием, или служит целям распространения знания.

Итак, в число "ученых" попадали различные учреждения. Некоторые из них выполняли информационные, научно-консультативные, исследовательские и другие виды работ, которые были связаны с научным обслуживанием государственной, в первую очередь административной, деятельности. Существовал также целый ряд научных учреждений, финансируемых государством, но не вовлеченных непосредственно, на постоянной основе в решение задач научного обеспечения управленческой деятельности. Предметом нашего исследования будут именно те подразделения, основной задачей которых являлась функция научного обслуживания системы административного управления.

К концу XIX столетия за данными учреждениями закрепилось наименование "учено-административных"⁷. Однако его использование в рамках современной терминологии вряд ли удобно. Ниже мы подробно охарактеризуем набор задач и функций ученых министерских подразделений. При всех имевшихся различиях, один принцип объединял все эти учреждения: они не имели никакой самостоятельной административной власти, выполняя в структуре органов управления сугубо вспомогательные (обслуживающие) функции. Таким образом, термин "административный" обозначает в данном случае лишь принадлежность к структуре административных органов. Вследствие приведенных выше аргументов обозначение исследуемых учреждений как "вспомогательных ученых министерских (ведомственных) подразделений" представляется автору наиболее отвечающим содержанию.

Конкретизация предмета исследования предполагает выделение из достаточно широкого спектра форм подобных учреждений ведущих организационных форм. Ими в XIX в., без сомнения, являлись ученые комитеты и советы - коллегияльные структуры, обратившие на себя внимание всех исследователей, так или иначе затрагивавших тему науки и государственного управления в России XIX столетия⁸. Итак, главное внимание в нашем исследовании мы уделим именно им.

Для исторического исследования отношений науки и государственной власти методологически важно, что ни тот, ни другой социальный институт не может рассматриваться как нечто неизменное. Власть и система государственного управления, как одно из ее воплощений, наука и формы ее организации эволюционировали, создавая на каждом конкретном этапе свои способы взаимодействия.

Само по себе выполнение прикладных работ, решение конкретных задач для обеспечения управленческой деятельности или иных потребностей государства с опорой на достигнутые средневековым знанием данные осуществлялось в России еще в допетровскую эпоху. Общеизвестны факты привлечения на русскую службу иностранных специалистов еще в XV в., создание в системе приказов и дворцового управления XVI-XVII вв. производств, основанных на передовых по тем временам технологиях, географические и геологические изыскания, выполнявшиеся под эгидой правительства. Однако нельзя забывать о тех качественных отличиях, которые разделяли науку Нового времени и предшествующие ей формы средневекового знания, каковыми они оставались в своей основе в России вплоть до начала XVIII в. Именно наука Нового времени, с характерной для нее прагматической установкой как в отно-

шении природы, так и результатов своих собственных изысканий⁹, поставила задачу переустройства мира, управления государствами на основе научного знания. Комплекс этих идей был наиболее отчетливо сформулирован Ф. Бэконом¹⁰. Именно здесь находится исходный пункт, теоретическая установка, лежащая в основе идей и представлений о "государственной науке", науке, не только обслуживающей нужды государственной власти, но и во многом определяющей ее цели и зада- чи¹¹.

В условиях российской действительности различия между средневековой традицией и наукой Нового времени усугублялись тем обстоятельством, что появление в России новой европейской науки с присущей ей светскостью, опорой на принципы рациональности и опытную, эмпирическую базу было последствием реформ, иными словами, привнесения извне с последующей адаптацией на российской почве. Результатом этого шага, сделанного Петром I, явился разрыв с предшествующей средневековой традицией и, в значительной степени, знаниями, накопленными в допетровской Руси, а также превращение науки и ее главного (и на начальном этапе единственного) учреждения - Академии в "некий иностранный анклав посреди России"¹². Лишь во второй половине XVIII в. отчетливо обозначаются процессы реальной интеграции науки в национальную культуру, конкретизация предмета ее исследования на российской почве¹³.

Именно со второй половины XVIII столетия отчетливо просматриваются тенденции к систематическому привлечению сил науки для решения конкретных государственных задач путем создания непосредственно в рамках коллегий соответствующих групп, включавших в свой состав представителей ученого сословия. Однако и в эпоху просвещенного абсолютизма, когда ценности науки провозглашались как государственный приоритет, реальных, устойчивых линий взаимодействия власти и науки выработать не удалось¹⁴. Причины подобного положения дел коренились как в объективных характеристиках крепостнической экономики, серьезно сдерживавшей техническое и технологическое развитие всех отраслей хозяйства, так и в незрелости субъективных предпосылок: не только значительная часть всего общества, но и правящая элита не достигли необходимого образовательного и культурного уровня.

Наука, научные учреждения, ученое сословие продолжали оставаться в положении маргинальной прослойки, статус которой в иерархической структуре общества был неопределенным и зыбким. Как известно,

академические и преподавательские должности были введены в систему рангов государственной службы лишь в 1803 г. Вместе с тем, в России XVIII в. "в силу особенностей социально-политического и культурного развития ... в основу всей системы организации научных исследований и образования был положен государственный принцип"¹⁵. Иными словами, имело место практически полное огосударствление сферы образовательной и научной деятельности, что потенциально создавало идеальные условия для привлечения ученых к решению государственных задач. Это кажущееся противоречие на самом деле подтверждает тот факт, что процесс адаптации, "укоренения" европейского научного знания в России XVIII столетия не был завершен. Для трансформации потенциальной возможности в реальную масштабную практику было необходимо вызревание всего комплекса предпосылок.

Таковой этапной гранью, обозначившей начало нового уровня взаимодействия власти и науки, стало первое десятилетие XIX в. Для понимания последующих судеб науки, ее взаимоотношений с "власть при- держащими" особенно важным оказывается анализ комплекса проблем, с которым вышла Россия из Екатерининской эпохи, и суммы представлений и установок, которыми руководствовалась новая российская элита, сформировавшаяся уже в период и под воздействием века Просвещения.

Первое десятилетие XIX в. является особым периодом в истории взаимодействия науки и государственного управления, что заставляет рассмотреть его детально. По меньшей мере, два события, значение которых трудно переоценить для последующего развития России, произошли в 1801-1811 гг.

Во-первых, это создание системы народного образования, которое явилось огромным шагом в развитии просвещения в России. Знание, наука на практике становятся и условием, и инструментом развития общества и государства.

Во-вторых, это рождение министерской системы центрального государственного управления. Причем, этапное значение имело не столько создание самих властных структур, столь же далеких от идеала, как все создаваемое, сколько комплекс либеральных идей законности и эффективности государственного управления, попыткой воплощения которых они являлись.

Для нашего исследования первоочередным обстоятельством является тот факт, что именно в этот период в ходе министерских реформ, коренным образом изменивших центральное административное управле-

ние, происходит выделение подразделений, осуществлявших научное обслуживание властных органов в качестве самостоятельных структурных составляющих правительственного аппарата.

Появление того или иного института в историческом пространстве имеет свою логику, предпосылки и последствия. С точки зрения предпосылок, первое десятилетие XIX в. с очевидной ясностью обозначило начало нового периода существования науки в российском обществе. Начинается период широкомасштабного синтеза, "встраивания" европейского научного знания в состав основных социальных институтов общества: образования, государственного управления, а также промышленности и экономики. В целом, объективные потребности развития России потребовали кардинального обновления, и силы, накопленные в предшествующем XVIII столетии, в век Просвещения, начинают находить практическое, "прикладное" воплощение.

С точки зрения последствий, первое десятилетие XIX в. в истории научных подразделений министерств и ведомств, как уже отмечалось, - период становления, поиска организационных форм, определения задач и функций. Возникнув, те или иные институты приобретают известную историческую инерцию, сохраняя, порой на длительное время, свои основные черты, формы и т.п. Таким образом, процесс и условия начального формирования ученых комитетов и советов чрезвычайно важен для понимания их последующего развития на всем протяжении XIX столетия.

Прошедшее со смерти Екатерины II пятилетие, как, впрочем, и итоги самого "блестящего царствования", наглядно выявили к моменту вступления на престол Александра Павловича не только сильные стороны преобразований, осуществленных в сфере государственного управления России, но и сопутствующие им проблемы.

В соответствии с положениями губернской реформы Екатерины II на местах были учреждены казенные палаты, которые взяли на себя все хозяйственное и финансовое управление, сосредоточенное ранее в коллегиях. Эти новации логично привели к упразднению с 1781 г. коллегий, кроме трех государственных (армия, флот, иностранные дела) и Коммерц-коллегии. Центральное государственное управление, таким образом, оказалось распятым между департаментами Сената, генерал-прокурором и оставшимися коллегияльными органами. Проблема заключалась не только в том, что к концу XVIII в. отсутствовала стройная система центральных органов государственной власти, но и в огра-

нических возможностях губернского управления как такового. В известном смысле, был достигнут предел децентрализации управления.

К концу столетия наглядно проявилась неспособность губернских учреждений взять на себя реальное руководство целым рядом отраслей государственного хозяйства. В частности, передача на места в ведение казенных палат горного и лесного управления уже к девяностым годам XVIII в. показала свою несостоятельность, и в 1796 г. воссоздается Берг-коллегия с подведомственными ей структурами местного горного управления, а в 1798 г. управление казенными лесами сосредотачивается в Лесном департаменте Адмиралтейств-коллегии¹⁰.

Павел I восстановил и остальные, уничтоженные его матерью центральные органы управления государственным хозяйством: Соляную контору, Мануфактур-коллегию и прочие центральные правительственные структуры. Однако эти органы уже "не вписывались" в систему, поскольку требовали соответствующего перераспределения функций между центральными и губернскими учреждениями и, в известной степени, нового определения роли государства и частной инициативы. В итоге, возрожденные Павлом коллегии лишь маскировали свое бездействие производством канцелярских бумаг.

Александр Павлович еще при жизни Екатерины II и в недолгое правление отца более чем критично относился к существующим порядкам, о чем неоднократно писал своему воспитателю и наставнику Ф.Ц. Лагарпу и молодым друзьям В.П. Кочубею и А.А. Чарторыйскому¹⁷. Когда благодаря усилиям заговорщиков бразды правления перешли к Александру I, именно эти люди, а также П.А. Стрганов, Н.Н. Новосильцев, стали его ближайшими советчиками и сотрудниками. Они разделяли мечты молодого императора дать России прочное политическое устройство.

Первые шаги по выработке проекта преобразований, осуществлявшиеся негласным комитетом, детально проанализированы М.М. Сафоновым, С.В. Мироненко и рядом других авторов, которым удалось реконструировать цели, ставившиеся его участниками, ход обсуждения, возникавшие альтернативы¹⁸.

Работы Негласного комитета затронули чрезвычайно широкий круг принципиальных вопросов Российской действительности от крепостного права до введения конституционных форм правления. Но достаточно быстро эти идеи оказались "преждевременными" самим участникам обсуждения. В итоге, основные усилия сосредоточились на разработке проекта административных реформ, поскольку именно они, по мысли

П.А.Строганова, создавали условия для дальнейшего изменения политических основ самодержавной власти.

Итогом разработки плана А.Чарторыйского в Негласном комитете стал утвержденный 8 сентября 1802 г. Манифест "Об учреждении министерств"¹⁹.

Манифест определил создание восьми министерств, между которыми были распределены "части государственного управления": военно- сухопутных сил, морских сил, иностранных дел, юстиции, внутренних дел, финансов, коммерции и народного просвещения. Существовавшие органы центрального административного управления: коллегии, конторы и экспедиции подчинялись министрам в соответствии с определенными манифестом сферами ведения (ст. I-VII).

Министры, назначенные Александром, оказывались, таким образом, во главе конгломерата ведомств и учреждений, отходивших в их ведение. Видимо ощущая незавершенность созданной конструкции, разработчики законоположения сочли необходимым указать хотя бы общие направления и порядок дальнейшей работы по совершенствованию министерской структуры. В срок до трех месяцев министры должны были закончить формирование своих канцелярий — будущего ядра министерского управления и сосредоточиться на подготовке предложений с целью "отвратить какие-нибудь по вверенной ему части могущие встретиться неудобства" (ст. XVIII-XIX).

Практически во всех учрежденных министерствах начали действовать специальные совещательные органы - комиссии и комитеты - для выяснения первоочередных и перспективных мер по совершенствованию как структуры вверенных министерству "правительствующих мест", так и разработки подведомственных ему вопросов управления.

Характер и основные направления работы этих комитетов и комиссий, а также представлявшиеся ими через министров доклады на высочайшее утверждение дают возможность выявить ведущие подходы к реорганизации министерских подразделений в 1802-1809 гг.

Традиционно круг вопросов, становившихся предметом обсуждения в комиссиях для выработки законодательных предположений, включал в себя исторический экскурс и оценку состояния дел в том или ином ведомстве, как правило, от эпохи Петра I, затем - анализ современного опыта европейских стран и как итог - определение круга задач преобразуемого или создаваемого вновь министерского департамента, мер и способов их осуществления²⁰.

Общим местом в выводах комиссий и комитетов стала критика недостатков коллегиального устройства. Наполняясь конкретными ведомственными примерами, она подтверждала новыми фактами уже сделанный вывод: на смену коллегиальному идет бюрократическое (в терминологии тех лет) начало. Совещательные органы при этом не упраздняются, но начинают играть вспомогательную роль, дополняя облеченную властью и ответственностью исполнительскую вертикаль.

Значительный интерес к опыту европейских стран, который отчетливо проявился еще в работах Негласного комитета, получил дальнейшее развитие в ходе реформирования центральных административных учреждений. Попытка использовать лучший европейский опыт государственно-административного устройства, каковым в те годы представлялся опыт наполеоновской Франции, требовала качественно иного уровня доступности иностранной литературы соответствующего профиля. Правительство стремилось обеспечить решение этой задачи различными способами. По подсчетам А.А. Корнилова, в течение 1801- 1805 гг. было выделено свыше 60 тыс. руб. субсидий на перевод и издание на русском языке политических, экономических, юридических и философских трактатов Смита, Монтескье, Мабли, Делольма и других авторов²¹. Уже в этот период в министерских канцеляриях и департаментах активно комплектуются ведомственные библиотеки, в штат вводятся чиновники, ответственные за подбор и реферирование иностранной литературы и периодики.

Характерно, что именно во Франции, которая во многом представлялась российским реформаторам начала XIX в. образцом государственного устройства, в конце XVIII и в первой половине XIX в. уровень государственного влияния на развитие науки был выше, чем в других европейских странах²². Вместе с тем, государственные формы организации науки во Франции - и это отмечается исследователями в качестве характерной особенности - нередко вырастали на базе частных любительских организаций²³. Российский опыт создания государственных научных учреждений, очевидно, не мог следовать этой модели ни в XVIII, ни в первой половине XIX в.

Как отмечалось выше, Манифест "Об учреждении министерств" лишь разделил сферы компетенции министров. Организация практической управленческой деятельности на новых основаниях требовала более детальной проработки как самого предмета ведения, так и "управленческого инструментария".

Предпринятые в рамках комитетов и комиссий изыскания наглядно показали, что помимо текущих, рутинно-канцелярских дел, требующих стандартно-бюрократического реагирования, выделяется круг вопросов, для решения которых необходимо использовать данные науки, привлекать соответствующим образом подготовленных специалистов. Только так можно было достичь эффективного развития армии, флота, отечественной промышленности, без которых роль и значение России как европейской державы обеспечены быть не могли.

Таким образом, вопросы преобразования системы государственного управления вплотную смыкались с не менее, если не более сложной и объемной задачей коренного изменения роли и значения науки и образования в обществе, придания им реального социального статуса. С точки зрения реформирования системы управления ее первоочередным, но частным аспектом было повышение образовательного уровня чиновничества. Естественно, в реальной исторической практике все эти задачи выступали в нерасчленном комплексе, составляя одну из острых проблем начала XIX столетия: "просвещение, общество, государственная власть". Не претендуя на полное раскрытие этой обширной темы, остановимся на тех ее аспектах, которые вплотную касаются интересующего нас вопроса.

Образовательный уровень российского чиновничества во второй половине XVIII в. и первой четверти XIX столетия, обстоятельно изученный С.М. Троицким и С.В. Мироненко, был весьма невысок: более трех четвертей из них приходили на службу, имея лишь домашнее образование. Среди правящей бюрократии (II-VI классы) в конце царствования Александра I только 20 - 25 % имели то или иное специальное образование²⁴, а именно это поколение составляло деятельную часть чиновного корпуса в 1800-1820 гг. Конечно, качество домашнего образования могло быть, и зачастую было, весьма высоким, особенно в состоятельных дворянских семьях. Однако государство в сложившейся обстановке фактически не могло влиять на уровень подготовки будущих сотрудников правительственного аппарата.

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что в жесткой чиновной структуре российского общества на рубеже XVIII-XIX вв. профессиональные деятели науки и образования, ученые и преподаватели, оказывались, в известном смысле, маргиналами. Их социальный статус, определенный частными и устаревшими законодательными положениями, не был вписан в эту структуру, хотя они и обладали рядом сословно- корпоративных привилегий, в том числе, закрепленных екатеринински-

ми законоположениями 1786 г.²⁵ Выпускники высшей школы еще в XVIII в. мобилизовывались правительством для решения задач, требовавших специальных знаний и соответствующей подготовки. Однако статус их оставался неопределенным, и службу им приходилось начинать на общих основаниях.

Символичным является обстоятельство, что уже 8 сентября 1802 г. - в день обнародования манифестов о начале преобразования органов центрального управления — учреждается "Комиссия об училищах", главной задачей которой становится выработка плана развития системы образования. Наука и образование отчетливо воспринимались наследниками века Просвещения, каковыми были ближайшие сотрудники Александра I и сам молодой самодержец, в качестве главных условий, "столь необходимых для благоденствия народов"²⁶. Просвещение и свобода выступают в тесной взаимной связи в разрабатывавшихся планах политического реформирования России.

Просвещение рассматривалось и как основа для создания эффективного государственного аппарата. В записке "Об устройстве судебных и правительственных учреждений в России", подготовленной М.М.Сперанским в 1803 г. по поручению императора, одним из главных вопросов, без решения которых невозможно было - по мысли составителя — приступить к усовершенствованию системы государственного управления, был вопрос образования чиновничества. "Каким образом может быть обеспечено самое исполнение без просвещения и обилия в исполнителях?" — задавался вопросом Сперанский. И сам ответил на этот вопрос: "Просвещение, честь и деньги суть стихии, входящие главным образом в состав доброго управления; без них никакие учреждения, никакие законы не могут иметь силы"²⁷.

В "Комиссию об училищах", состоявшую под управлением министра Народного просвещения гр. П.В. Завадовского, были введены академики Н.Я. Озерцовский, Н.М. Фус. В качестве правителя дел в ее состав был включен В.Н. Каразин - один из наиболее образованных представителей дворянской элиты Александровского времени (В правление Павла I В.Н. Каразин пострадал именно за "любовь к просвещению". Он был арестован при попытке нелегально выехать за границу для обучения²⁸). Комиссии было поручено составление "полного плана для скорейшего и надежнейшего достижения своего назначения"²⁹. Его главной целью являлось образовать "повсеместно просвещенных и благонравных граждан для всех родов службы и должностей общественных"³⁰.

К январю 1803 г. комиссия, к этому времени уже преобразованная в постоянный орган - Главное правление училищ, подготовила проект "Об устройстве училищ", ставший планом реформы народного образования. Утвержденные Александром I "Предварительные правила народного просвещения" определили создание на территории империи шести учебных округов, в каждом из которых выстраивалась последовательная система образовательных учреждений: приходские и уездные училища, губернские училища или гимназии и университеты. Четырехуровневая система учебных заведений одновременно отвечала и сословной структуре общества "соответственно обязанностям и пользам каждого состояния"³¹.

Важным элементом реформы стало введение служебных привилегий для выпускников университетов, получающих ученые степени: степень кандидата давала право на вступление в службу с чином XII класса, степень магистра - IX класса, а степень доктора - VIII класса³².

Утвержденный в 1803 г. новый Регламент Академии Наук ввел в систему государственных чинов и академические должности: ординарные академики, экстраординарные академики и адъюнкты получали чины коллежских советников (VI класс), надворных советников (VII класс) и коллежских ассессоров (VIII класс), соответственно³³.

В соответствии с "Предварительными правилами" по прошествии пяти лет с начала реформы, т.е. с 1808 г., "ни в какой губернии никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище"³⁴.

Следующим важным шагом в становлении системы высшего образования в России стало принятие в 1804 г. первого типового университетского устава. В его основу был положен, по верному наблюдению Г.Е. Павловой, принцип академической корпорации, роднивший его с Академическим регламентом³⁵.

Опираясь на изложенные выше факты, отметим, что принципы академической корпоративности в первом десятилетии XIX в. выступали в качестве универсальных при решении практически всех вопросов организации деятельности научных структур. Корпоративные свободы и демократическое устройство, таким образом, воспринимались не только самим научным сообществом, но и правительством в качестве их неотъемлемых свойств.

Университетский устав предусматривал создание при университетах современной научно-вспомогательной базы в виде типографий, лабора-

торий, кабинетов и т.д. Университеты должны были выступать, и на практике сделались, центрами, аккумулирующими научные силы. Этому способствовали институт почетных членов и членов- корреспондентов и, в особенности, право создавать научные общества³⁶. Уже в первое десятилетие XIX в. при Московском университете возникают "Общество испытателей природы", "Общество любителей математики", общества "любителей российской словесности" в Московском и Казанском университетах.

Несмотря на энергичные действия правительства, подкреплявшиеся в 1802-1805 гг. весьма существенными ассигнованиями (на каждый из шести существовавших университетов отпускалось 130 тыс. руб. в год³⁷ и в целом по народному образованию в первое пятилетие сумма доходила до 2 млн. 800 тыс. руб.), успехи в подготовке дворянской молодежи для чиновничьей службы оказались более чем скромными.

Законодательным подтверждением и одновременно развитием положения "Предварительных правил" об обязательности образовательного ценза для поступления на государственную службу стал принятый в 1809 г. по инициативе М.М. Сперанского, в то время уже государственного секретаря, указ "О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники".

Как отмечалось выше, прошедшее с 1803 г. пятилетие, отпущенное планом реформы на постепенное внедрение образовательного ценза в практику гражданской службы, не принесло ожидавшихся результатов. "Предполагаемо было, что все свободные сословия, и особенно сословие дворянское, с поревнованием воспользуются открытием университетов, гимназий, училищ... но предположения сии, - вынуждено было констатировать правительство, - доселе не восприяли еще своего действия"³⁸. Лишь Дерптский и Виленский университеты не испытывали недостатка в желающих обучаться³⁹. Убеждение как метод пришлось заменить принуждением. И указ 6 августа 1809 г. ввел образовательный ценз в законодательном порядке: начиная с 8 класса (коллежского асессора) университетское образование становится обязательным условием при определении на службу.

Указ, как известно, вызвал глухое неодобрение дворянства и отнюдь не способствовал росту популярности государственного секретаря Сперанского. Однако он реально обозначил объективную потребность государственного аппарата в реформах образования, невозможность организации управленческой деятельности в новых условиях без кардиналь-

ного повышения образовательного уровня чиновников, в конечном счете, без применения в государственном управлении возможностей, предоставляемых наукой.

Таким образом, начавшееся реформирование органов центрального управления неизбежно должно было учитывать весьма скромный потенциал образованных кадров, находившийся в распоряжении правительства.

Итак, уже в 1802 - 1803 гг. в ходе реорганизации коллегий, определения функций и задач создававшихся департаментов и экспедиций, начинается выделение "частей управления" уже внутри министерств.

С одной стороны, выделялись части "хозяйственные", "строительные", "воинские" и т.д. - терминология не являлась устоявшейся. С другой - части "ученые", "искусственные" *, "художественные". Первая группа "частей управления" противопоставлялась второй как по характеру вопросов, так и по средствам их разрешения. Вопросы "ученые" и "художественные", как обычно указывалось, требовали зрелого рассуждения, привлечения людей "известных в науках".

Если первая группа вопросов могла быть реализована наличным чиновничьим аппаратом, то вторая - требовала как качественно иных организационных форм работы, так и соответственно подготовленных сотрудников. Дилемма, таким образом, выглядела следующим образом: или образовывать чиновника, сделав его если не "ученым", то хотя бы способным отвечать предъявляемым повышенным требованиям, или превратить в чиновников наличный состав ученых, мобилизовав их на решение задач административного управления. Именно на пересечении этих двух, одинаково трудно реализуемых, возможностей возникают первые ученые комитеты и советы как структурные подразделения министерств.

Итак, немаловажным этапом на пути реформирования государственного аппарата и выделения в его структуре подразделений, выполняющих научно-прикладные функции, было новое определение задач органов административного управления. На первом этапе - в 1802-03 гг. центр разработки административных преобразований сосредоточился в

Термин "искусственные" являлся производным от существовавшего в XVIII — начале XIX в. понятия "искусство", которое включало наряду с современными значениями и прикладные возможности наук, а также ремесла (См.: Словарь Академии российской ... 4.П). В интересующих нас контекстах имелись ввиду, в первую очередь, инженерные дисциплины.

Министерстве внутренних дел. Фактически "центральное" положение МВД в развитии административной реформы неслучайно. Во-первых, именно это министерство оказывалось наиболее тесно связанным как с органами губернского управления, так и с важнейшими секторами национальной экономики. Во-вторых, во главе министерства были поставлены В.П. Кочубей и П.А. Строганов. И тот и другой стояли у истоков осуществлявшихся преобразований и были их горячими сторонниками. Важнейшую роль в "кристаллизации" планов министерской реформы сыграл М.М. Сперанский, назначенный 8 сентября 1802 г. по просьбе В.П. Кочубея в МВД и исполнявший должность директора Департамента министерства, а с июля 1803 г. руководивший Экспедицией государственного благоустройства.

Министерство внутренних дел было одним из наиболее "объемных" по перечню препорученных ему "частей управления" ведомств. Министру внутренних дел были вверены "все части государственной промышленности, кроме горной", построение и содержание публичных зданий, "отвращение недостатка в жизненных припасах"⁴⁰. Министерство осуществляло оперативный контроль над губернским управлением и местными учреждениями, с целью "пещись о повсеместном благосостоянии народа, спокойствию, тишине и благоустройстве всей Империи"⁴¹. В непосредственном подчинении министра оказывались Мануфактур-коллегия, Медицинская коллегия, Главная соляная контора, Главное почтовое управление, Экспедиция государственного хозяйства, опекуnderства иностранных и сельского домоводства с изъятием части структурных подразделений в пользу других министерств⁴².

На протяжении восьми месяцев - конец 1802 и первая половина 1803 г. - в МВД выработывался план реорганизации ведомства, представленный в июле 1803 г. на рассмотрение Александру I. Предложения министра, обстоятельно аргументированные в докладе, подготовленном М.М. Сперанским, сводились к разделению сферы ведения министерства на три большие части: хозяйственную, полицейскую и медицинскую, каждая из которых находила свое организационное воплощение в экспедициях Департамента внутренних дел: государственного хозяйства, государственного благоустройства и государственной медицинской управы. Сам Департамент должен был представлять собой инстанцию, координирующую деятельность экспедиций. В его состав помимо секретарей экспедиций предполагалось включить почетных членов и так называемое "Общество дворян"⁴³.

По поводу последнего в литературе утвердилось не совсем верное мнение, что "Общество дворян" являлось специально созданной группой для упорядочения статистических сведений, поступающих в МВД из губерний. Таким образом, "Общество дворян" рассматривается как первое статистическое подразделение в структуре Министерства внутренних дел⁴⁴. Однако задачи его были несколько иными. При утверждении первоначальных штатов министерских департаментов в январе 1803 г. Александр I "дозволил" сверх штатных чиновников иметь при департаментах каждому из министров "из молодых дворян до 10 человек, которые бы, приобретая предварительное познание в делах, по мере их способности могли быть с пользою употребляемы к отправлению возложенных по департаментам должностей"⁴⁵.

Сбор статистической информации по губерниям действительно представлялся остро необходимым. Еще в 1802 г. В.П. Кочубей предписал губернаторам предоставлять в МВД данные по особой форме для "коренного познания о каждой губернии"⁴⁶. Обработка этих сведений оказалась препоручена "молодым дворянам" для их приготовления к службе по департаменту. Неудивительно, что результатов деятельности этого "учреждения" не удалось выявить никому из исследователей.

Дело практической организации административной статистики, как мы увидим, встало на повестку дня лишь в 1810 г. Однако шаг в этом направлении был сделан.

Главными направлениями, на которых сосредоточились реформаторские усилия в 1803 г., стали проблемы реорганизации учреждений, ведавших отраслями государственного хозяйства: Мануфактур- коллегии, Главной соляной конторы и Экспедиции государственного хозяйства. Анализ состояния дел в этой сфере управления, осуществленный в докладе министра, наглядно показывал, сколь громоздким и неэффективным, засоренным мелочными вопросами и согласованиями было оно на рубеже XIX в.

В разработанном "Положении для Экспедиции государственного хозяйства" были существенно сокращены задачи непосредственного управления. Так, казенные фабрики предлагалось полностью отдать в частные руки "разве бы случились такие... как фабрика шпалерная и фарфоровая в Санкт-Петербурге, где более уважен вкус и покровительство какого искусства, нежели польза самой фабрики"⁴⁷.

Однако в "Положении" были значительно усилены информационно-статистические функции создаваемой экспедиции. По каждому из трех отделений, составляющих экспедицию, предполагалось вести учет важ-

нейших данных, в их числе: сведения об урожаях, ценах на хлеб, статистика населения, сведения о фабричной и заводской промышленности, ее продукции и ценах на нее, а так же статистику соледобычи. Кроме того, был выделен и ряд задач в области развития сельского хозяйства, особенно в новоосваиваемых южных районах: виноградарство и виноделие, разведение кунжутного семени, овцеводство и шелководство⁴⁸.

Однако сформулировать задачи еще не значит их разрешить. В руках правительственного аппарата не было ни конкретных средств, ни подготовленных людей, чтобы обеспечить удовлетворительное выполнение этой работы. Еще в 1802 г., опираясь на свой опыт канцелярской службы, М.М. Сперанский сделал неутешительный вывод по поводу способности чиновничества, возвращенного в условиях, существовавших в казенных учреждениях на рубеже XVIII и XIX веков, к масштабным новациям и работе на научных основаниях: "В России и теперь на сцене есть, конечно, люди с обширными познаниями; но первое, их познания суть больше произведение опыта, нежели систематического размышления; второе, их лета и состояние, а особливо предрассудки класса, к коему они принадлежат, и коего духом они напоены, делают их неспособными к непосредственной работе"⁴⁹.

В еще большей степени эта проблема - отсутствие способов и сил для решения конкретных государственных задач, требующих, в широком смысле, научного знания - обозначилась в ходе переустройства медицинской части в составе МВД. Медицинская коллегия, учрежденная Екатериной II в 1763 г., к началу XIX в. уже далеко не способна была эффективно развивать государственную медицинскую службу. Энергичная деятельность гр. А.И. Васильева на посту директора коллегии (с 1794 г.), отмеченная преобразованием медико-хирургических училищ в Академии в Москве и в Санкт-Петербурге, расширением их учебной базы, изданием медицинской литературы⁵⁰ и т.д., в еще большей степени выявила острую потребность, как в развитии медицинской науки, так и в совершенствовании самого медицинского ведомства.

Накануне нового 1804 г. доклад министра внутренних дел гр. В.П. Кочубея об образовании Третьей экспедиции Департамента внутренних дел "под именем Государственной медицинской управы" получил высочайшее утверждение. Дела, порученные Медицинской управе, были разделены на две взаимосвязанные, но самостоятельные части: часть экономическую и часть ученую, для чего в рамках Управы создавались два подразделения: одно - "в виде Третьей экспедиции Департамента, для дел текущих и экономических", другое - "в виде ученого

общества или Медицинского совета" - для дел, "относящихся до усовершенствования в России Медицинской части и до разрешения встречающихся в практике затруднений"⁵¹.

Весьма важным свидетельством для понимания причин и обстоятельств появления вспомогательных ученых подразделений в составе органов государственного управления именно в то время, и в том виде, в котором они возникают, представляется приведенная ниже аргументация составителей министерского доклада. Обосновывая необходимость создания Медицинского Совета, они указывали, что в отличие от государств, где "наука сия уже укоренилась, где Академии, Университеты доставляют достаточное число медиков, где промышленность частная обеспечивает снабжение медицинских припасов и пособий" в России управление этой сферой "сверх общих мер к сохранению народного здоровья" неизбежно должно выполнять и ряд дополнительных функций: развивать медицинскую науку и систему подготовки медицинских кадров, осуществлять их аттестацию, контролировать закупки медицинских препаратов для армии и флота, распределять медицинских служащих и т.д.⁵²

Таким образом, понимание неразвитости науки и ее организационных форм в России в сравнении с европейскими странами вело к стремлению восполнить слабость социального института государственной опекой. Но поскольку "часть ученая" требовала "особенного к существу ее приспособления", то, по мысли разработчиков проекта, "место, делами сими управляющее, должно быть средоточием и, так сказать, Академиею медицинской науки. Оно должно быть составлено из известнейших у нас медиков, кои одни могут быть и истинными судьями ученых достоинств, и разрешать встречающиеся по сей части затруднения... Оно должно иметь свой собственный обряд отправления дел (т.е. отличный от бюрократических принципов деятельности департаментов и экспедиций - А.М.), сходнейший и сообразный тому, *какой вообще в ученых сообществах наблюдается*"⁵³ (курсив автора. - А.М.)

"Положение" для Медицинского Совета, утвержденное указом 1803 г., предполагало достаточно демократические принципы его организации и деятельности по типу научной корпорации. Медицинский совет образовывался неопределенным числом членов и корреспондентов, избираемых самим Советом (члены Совета представлялись МВД на высочайшее утверждение), в Совете председательствовал декан, избираемый из числа членов общим собранием на три года. Управляющий

отделением Экспедиции, присутствуя на Совете, права голоса не имел (!)⁵⁴.

Таким образом, с созданием в структуре МВД Медицинского совета был предпринят первый опыт совмещения бюрократического управления и науки. Создатели Медицинского совета весьма оптимистично смотрели на возможность подобного синтеза, что выразилось в фактически полном, механическом заимствовании организационных принципов академической корпорации. Превращение научного сообщества в элемент правительственного механизма казалось решением противоречий между усложняющимися задачами управления и слабостью науки как социального института.

Это была та "высокая нота" в отношениях государственного управления и науки, на которой, как мы увидим, не удалось и невозможно было удержаться в силу очевидной специфики каждого из социальных механизмов. Наука, нацеленная на исследование явлений окружающего мира, и управленческие структуры, главным предназначением которых является выработка конкретного решения и средств его реализации, по определению, "говорят на разных языках", не совпадают в своих целях и задачах. Здесь своеобразно проявился и либеральный романтизм первых лет царствования Александра I, когда реформаторские усилия еще не начали вязнуть в усиливающемся реакционном сопротивлении.

Данное направление, т.е. прямое включение научного сообщества в состав органов управления, в реформировании государственных механизмов было, тем не менее, не единственным.

Другим министерством, вобравшим в себя значительную часть функций управления государственным хозяйством, которому приходилось разрешать аналогичные задачи в использовании научного потенциала, было Министерство финансов. Помимо собственно финансовой части, ему были подчинены Берг-коллегия, Лесной департамент и хозяйственное управление казенными землями и имениями. Во главе министерства был поставлен гр. А.И. Васильев, чиновник екатерининской эпохи, получивший большой опыт в управлении государственными финансами в канцелярии генерал-прокурора А.А. Вяземского, а затем исполнявший должность государственного казначея при Павле I до 1800 г. Как отмечалось выше, А.И. Васильев проявил себя и как энергичный организатор на посту директора Медицинской коллегии.

Являясь более практиком, чем теоретиком государственного управления, А.И. Васильев "шел в фарватере" господствующих идей, постепенно перестраивая вверенное ему ведомство на основе бюрократиче-

ских принципов. Характерно, что преобразования коснулись в первую очередь лесной и горной частей в составе министерства как требующих в наибольшей степени привлечения специальных знаний и, следовательно, труднее управляемых классическими бюрократическими методами.

Уже в ноябре 1802 г. был представлен для обсуждения сначала в Совет Министров, а затем на высочайшее утверждение "Проект Устава о лесах", выработанный специально созданной комиссией. Он содержал как основные задачи учреждаемого для управления государственным лесным фондом Лесного департамента, так и главные положения лесного законодательства Российской империи.

Лесному департаменту вменялось в обязанность сохранение государственных лесов и организация их рациональной эксплуатации. Для этого департамент должен был, во-первых, заняться исследованием лесов, собирая сведения: "о пространстве земли, занимаемой под оными; о разных породах деревьев..., по различному положению мест и по свойству климата, во сколько лет достигают до совершенного возраста; как сохранять леса и разводить вновь с хозяйственным сбережением, казенную пользою и потомственной благонадежностью"⁵⁵.

Как видим, уже только эти задачи составляли целую исследовательскую программу. Для создания необходимых кадров специалистов Лесному департаменту поручалось учреждать школы, для "образования и научения людей в лесоводственных науках"⁵⁶. Дальнейшую разработку лесного законодательства предполагалось вести с учетом региональных особенностей по группам губерний.

"Устав о лесах" 1802 г., как отмечалось выше, включал в себя и основные положения государственного лесоохранного законодательства, являясь, таким образом, одним из первых российских природоохранных законов. В "Уставе" получила свое законодательное развитие практика таксации лесов, как основы рационального лесного хозяйства: были выделены леса трех "статей" и определены годовые лесосеки с учетом состава древесных пород и климатических зон, а также определены меры по естественному и искусственному лесовосстановлению⁵⁷.

Во главе вновь учрежденного лесного ведомства был поставлен один из разработчиков "Устава о лесах" известный естествоиспытатель Карл Иванович (Карл-Людвиг) Таблиц, принимавший в 70-80 гг. XVIII в. участие в Академической экспедиции С.Г. Гмелина и затем заведовавший казенным ботаническим садом в Астрахани⁵⁸.

Уже первое десятилетие работы Лесного департамента дало заметные результаты: были учреждены два лесных училища, проведено картографирование и таксация лесов в четырех губерниях. С 1805 г. ранее убыточное лесное управление начало приносить доходы в казну⁵⁹.

Другим подразделением Министерства финансов, претерпевшим еще большие изменения с учетом новых требований, стала Берг- коллегия. С утверждением в июне 1806 г. "Горного положения" она была преобразована в Горный департамент министерства. "Горное положение", так же как и "Устав о лесах", вырабатывался специально созданной министерской комиссией в составе наиболее опытных горных инженеров и администраторов. В их числе, Г.С. Качка - потомственный горный инженер, сын венгерского специалиста горного дела, перешедшего на русскую службу еще при Петре I, А.Ф.Дерябин - главный начальник Гороблагодатских и Пермских заводов и один из первых историков горного дела в России и другие известные специалисты⁶⁰.

"Горное положение" 1806 г., просуществовавшее в основных своих элементах вплоть до начала XX в., исходило из необходимости выделения горного управления из ведения гражданских властей. Горная часть с принадлежащими ей заводами, рудниками, горными городами составляла замкнутый комплекс и, как следствие, само "Горное положение" представляло собой объемный свод законодательства (свыше 940 статей), определявший как компетенцию горного начальства, так и разграничение сфер ведения с гражданской властью.

Центральное горное управление сосредотачивалось в Горном департаменте при Министерстве финансов. Департамент был разделен на Горную экспедицию, в которой решались дела административные и хозяйственные, и Горный совет. Сфера деятельности Совета в соответствии с "Горным положением" должна была включать в себя дела, которые "наиболее относятся до законоположений, новых постановлений и учреждений, также до художественной, искусственной и ученой части горного и заводского производства"⁶¹.

Состав Горного совета комплектовался высшими чинами горного управления: "первым членом" его являлся управляющий Департаментом, в помощь ему придавались два советника - фактически, заместители по должности. Членами Совета являлись начальники отделений Экспедиции, бергинспекторы и горные начальники округов, командир и инспектор Горного кадетского корпуса. Для ведения ученых дел в составе Совета была учреждена должность ученого секретаря, по усмот-

рению министра в Горный совет "могли быть приглашаемы профессоры и другие горные чины"⁶².

Однако, по Положению 1806 г., Горный совет не курировал непосредственно главное ведомственное научно-учебное заведение - Горный корпус. Вся переписка и "сношения по ученым делам внутри и вне России" были сосредоточены во Втором столе Первого отделения Экспедиции⁶³. Таким образом, на практике Горный совет представлял собой не научное подразделение, а общее присутствие департамента, которое в ряду прочих дел занималось и "учеными делами". Ученая часть горного дела - научные, в том числе, опытные работы, были сосредоточены в Горном кадетском корпусе⁶⁴.

Итак, реформирование Министерства финансов также привело к выделению в подразделениях министерства "ученой, искусственной и художественной части", но способы управления ими были предпочтены традиционные, бюрократические. Несмотря на то, что "ученая часть" в министерских структурах на получила своего самостоятельного организационного оформления в виде соответствующих ученых сообществ, к практической работе были привлечены известные ученые и специалисты.

В области военного управления империи изменения коснулись в первую очередь военно-морского дела. Для этого были и объективные и субъективные предпосылки. Флот на протяжении всего своего существования являлся "высокотехнологичной" военной сферой, зависящей в своем развитии от самого широкого круга научных и технических открытий и достижений. С момента своего рождения Российский флот был символом государственного могущества империи, любимым детищем ее создателя - Петра Великого. В первой половине XIX в. Россия жизненно нуждалась в сильном и современном флоте как в военно- стратегическом отношении, так и для дальнейших исследований на востоке и на севере своей территории.

Уже в 1801 г. был учрежден специальный Комитет для образования флота, которому предписывалось "войти в рассмотрение изданных доселе узаконений, регламентов и уставов ... и всех учреждений, на коих морское управление со всем к нему принадлежащим основано" с целью "постановить все сопряженные с ним части на основаниях, наиболее сходственных с нынешним состоянием первенствующих в Европе флотов"⁶⁵.

В 1802 г. при образовании министерств управление военно-морским делом было вверено вице-президенту Адмиралтейств-коллегии, факти-

ческому руководителю Комитета для образования флота адмиралу Н.С. Мордвинову - одному из наиболее ярких, образованных и талантливых представителей правящей элиты России первой трети XIX в. Однако практическое преобразование морского управления в связи с последовавшей отставкой Н.С. Мордвинова было осуществлено товарищем министра вице-адмиралом П.В. Чичаговым, который немало сделал для его совершенствования и развития.

Потребность в использовании современных научных знаний остро ощущалась не только членами министерского комитета, но и флотскими офицерами. В 1803 г. по инициативе командования Черноморского флота при Конторе главного командира учреждается Депо Черноморского флота в составе 11 человек для сбора и систематизации картографического материала и описаний черноморских берегов. Кроме этой, чисто практической, задачи в обязанности Депо входили: "Собирание математических и касающихся до мореплавания книг и также выписывание в дополнение оных других, какие за полезнейшие находить будет; собирание моделей кораблям и другим судам, имеющим перед другими преимущество"⁶⁶. К депо присоединялась типография штурманского училища для издания карт и необходимой литературы. Таким образом, поиск организационных форм включения науки в практику военноморского дела велся и в центральном и в среднем звене флотского управления.

В 1805 г. Комитетом по образованию флота была предложена обширная программа мер по переустройству Адмиралтейской коллегии. Сферу ведения преобразуемого морского управления было предложено разделить под единым руководством министра морских сил на части воинскую и художественную. Первой из них - воинской - несколько неожиданно, учитывая господствовавшую уже в это время бюрократическую терминологию, было предложено оставить наименование Адмиралтейств-коллегии в знак уважения к имени, данному основателем флота - Петром I. Вторая, в свою очередь, разделяющаяся на части ученую и строительную, получала название Адмиралтейского департамента⁶⁷.

Адмиралтейский департамент являлся совещательным собранием по ученой и художественной части. К части ученой было отнесено управление Морским кадетским корпусом и всеми мореходными училищами, включая контроль над учебными курсами и методами преподавания, подбор и аттестацию будущих учащихся. В ведение ученой части передавались библиотеки, обсерватории, физические кабинеты, типография

"и все принадлежащее к наукам и искусствам". В обязанности Департамента вменялось снабжать командиров судов, отправляемых в дальнее плавание, наставлениями о наблюдениях за "топографией, климатом и статистикой" посещаемых мест⁶⁸.

Характерной особенностью деятельности Адмиралтейского департамента как ученого сообщества, заложенной уже положением 1805 г., была широкая научно-популяризаторская деятельность. Этим задачам служило издание журнала - одного из первых в спектре ведомственных изданий в XIX веке⁶⁹.

Второе начинание, также составлявшее новацию в деятельности Адмиралтейского департамента, - это создание музея, "в котором собраны будут все любопытнейшие сочинения, кабинет редкостей, машин, моделей, физических, математических и астрономических инструментов и в который *всякий с дозволения его (руководства департамента) входит и пользоваться чтением книг или рассматриванием вещей может*" (курсив автора. - А.М.). На содержание музея, директора и помощников была назначена ежегодная сумма в 10 тыс. рублей⁷⁰.

Система представительства в Департаменте соответствовала поставленным перед ним задачам. Собрание включало в себя постоянных членов в лице директора морских и гидравлических работ, артиллериста и двух чиновников: "искусного в словесных науках" и "искусного в физике и математике"⁷¹. Предполагалось, что чиновник департамента, "искусный в словесных науках", займется сочинением истории Российского флота "от самого заведения его, до сего времени". Уже в 1806 г. в Департаменте была введена должность историографа, которую впоследствии занял Николай Бестужев - будущий декабрист⁷².

Почетные члены определялись путем баллотировки из профессоров и "особ, отличающимися познаниями и просвещением, и показавших опыты своего достоинства какими-либо изобретениями, сочинениями и апробированными проектами". В отличие от большинства других ученых комитетов, Адмиралтейский департамент оплачивал работу почетных членов. В случае их активного участия в деятельности последнего, они могли получать жалование "соответственное трудам их" и награждаться пожизненными пенсиями от 500 до 3 тысяч рублей в год⁷³.

С 1805 г. в число почетных членов Адмиралтейского департамента входили многие видные представители академической науки, в их числе С.Е. Гурьев, Л.Ю. Крафт, С.Я. Румовский и др.⁷⁴

Таким образом, с точки зрения типологии организационных форм, ученая часть Адмиралтейского департамента представляет собой третий

вариант решения интересующей нас проблемы. В состав вспомогательного ученого подразделения введены как штатные чиновники, так и почетные члены из числа ученых и специалистов. Принципы научной корпорации дополняются элементами бюрократического устройства.

Анализ существовавших в первое десятилетие XIX в. конкретных правительственных структур, призванных реализовывать вспомогательные функции, связанные с научным обслуживанием государственного управления, был бы неполным, если бы мы не указали на еще одно подразделение, получившее окончательное законодательное оформление в 1808 г. Это Артиллерийский комитет, входивший в состав Министерства военно-сухопутных сил. Оно чрезвычайно интересно уже тем, что наиболее близко по типу своей организации и задачам к ученым комитетам, возникающим в 1810-е - 40-е годы. В значительной мере опыт Артиллерийского комитета послужил основой для создания в 1812 г. Военно-ученого комитета, положившего начало структуре вспомогательных ученых подразделений Военного министерства.

Реформирование системы военного управления сухопутными вооруженными силами в начале XIX в. происходило в России в чрезвычайно сложных условиях. По подсчету А.А.Керсновского, на десять лет (1805-1815 гг.) приходится 21 год войны, учитывая военные действия, которые велись одновременно на два и три фронта⁷⁵. Таким образом, первое десятилетие XIX в. не предоставило военному ведомству мирной передышки, в ходе которой реорганизация управления могла бы быть проведена систематически, по единому плану. Перестройка осуществлялась одновременно по нескольким направлениям и касалась как центрального управления, так и системы организации и вооружения войск.

В условиях переходного периода в организации управления военными силами основное значение приобретали мероприятия, осуществлявшиеся на его отдельных направлениях. По стечению объективных и субъективных обстоятельств наиболее динамично развивающейся частью вооруженных сил в первое десятилетие века становится артиллерия.

В 1803 г. Александр I возвращает в Петербург и вводит в число своих сотрудников А.А. Аракчеева, поручив ему должность инспектора всей артиллерии⁷⁶. В этой должности А.А. Аракчеев состоял вплоть до 1819 г., а в 1808 - 1809 гг. после отставки министра военно-сухопутных сил С.К. Вязьмитинова, исполнял должность военного министра. Воспитанник Артиллерийского и инженерного шляхетского корпуса, прослуживший в этом учебном заведении в течение двух лет преподавателем-

лем, А.А. Аракчеев как офицер-артиллерист был знающим и к тому времени опытным специалистом военного дела. Его вклад в развитие русской артиллерии весьма высоко оценивается историками⁷⁷. Активная и плодотворная работа А.А. Аракчеева по совершенствованию русской артиллерии на постах инспектора этого рода войск и военного министра получала всемерную, по сути беспрецедентную, поддержку императора. В 1807 г. он получает приказ "быть при его величестве по артиллерийской части", а спустя непродолжительное время и право издавать указы по артиллерийской части от имени императора. Основные его мероприятия по совершенствованию материально-технической части, организации, обучению войск и проч., подробно описаны в литературе⁷⁸. Для нашего анализа представляют интерес те из мероприятий, которые были непосредственно связаны с использованием науки в военном деле.

Все шаги, предпринимавшиеся в этом направлении, объективно и логично соотносятся с мероприятиями, проводившимися в гражданских ведомствах. Так, в 1803 г. у артиллеристов вводятся специальные экзамены по военным и математическим дисциплинам для претендентов на производство в офицерские чины. Значительное внимание уделялось Аракчеевым и расширению специальных сведений по артиллерийской части. При проведении учений, полученные новые данные, рекомендации и т.п. сведения "если могут служить к большому чего-нибудь по артиллерии усовершенствованию, должны поступать предаваться печати и рассылаться ... по всей артиллерии"⁷⁹. Были предприняты меры и по комплектованию полковых библиотек. В специальном "Наставлении", изданном по данному вопросу Аракчеевым, указывалось, что "чтение полезных книг в свободное время есть без сомнения одно из благороднейших и приятнейших упражнений... Оно заменяет общество, образует ум и сердце и способствует офицеру приуготовлять себя наилучшим образом на пользу отечеству"⁸⁰. В 1807 г. при артиллерийском департаменте Военного министерства учреждается типография⁸⁵.

Сходные проблемы решались и в другом ведомстве центрального военного управления - инженерном. В 1808-09 гг. был принят ряд решений о назначении наград за "хорошие" сочинения и переводы по инженерной части, а в 1809 г. в составе Инженерного департамента учреждается цензура, главной задачей которой являлось рассмотрение переводов и сочинений, "поощрения за оные и вспомоществование к их изданию"⁸².

Наряду с мероприятиями, направленными на повышение профессиональной подготовки офицерского состава, перед военным ведомством стояли задачи по совершенствованию вооружения и военной техники. Вплоть до начала XIX в. экспертиза новых конструкций артиллерийских систем производилась членами Артиллерийской экспедиции при содействии специалистов, привлекавшихся по мере необходимости в разовом порядке⁸³. В 1804 г. был образован Временный артиллерийский комитет для рассмотрения гарнизонной артиллерии. Его учреждение было связано с необходимостью рассмотреть конкретные предложения по совершенствованию крепостных орудий, поступившие в военное ведомство от директора Олонецких заводов Г. Гасконья. В состав комитета вошли как представители офицерства, так и гражданские чиновники⁸⁴. Однако в последующие годы в комитет поступили новые предложения и запросы, и он продолжал действовать: изучались проекты новых ружей, испытывался новый тип картечного заряда и диоптра (прицела) для артиллерийских орудий. Также были проведены исследования оптимального порохового заряда и угла возвышения орудия и т.п.⁸⁵

Накопление подобных задач, осуществление которых требовало необходимого уровня теоретической подготовки, привело к организации в 1808 г. в составе Артиллерийского департамента на базе временного комитета уже постоянного ученого подразделения - Артиллерийского комитета. Задачи подразделения были расширены. Ему были переданы функции контроля над специальным образованием, проведение экзаменов перед производством в артиллерийские офицеры, рассмотрение "всех прожектов, до артиллерии касающихся", комплектование библиотеки и издание "Артиллерийского журнала"⁸⁶. Таким образом, ученое подразделение, созданное в артиллерийском ведомстве, соединило в своей деятельности основные функции, которые традиционно будут находиться в сфере ведения ученых комитетов в первую половину XIX в.: вопросы ведомственной подготовки кадров, экспертиза изобретений и технических новшеств и информационное обеспечение.

Итак, уже на начальном этапе реформирования системы центральных государственных органов выявилась и что, важнее, была адекватно осознана насущная потребность в научном вспомогательном обеспечении управленческой деятельности. На протяжении 1802-1809 гг. центральными правительственными учреждениями были предприняты конкретные шаги по созданию в собственной структуре специализированных подразделений, призванных осуществлять вспомогательные науч-

ные функции. Возникшие учреждения составили определенный спектр организационных форм, в которых воплотились возможные подходы к организации вспомогательной научной деятельности в рамках министерской системы органов исполнительной власти. Своеобразная "селекция" их была осуществлена в ходе второй реформы министерств в 1810-1811 гг.

Рассмотрим более детально процессы, протекавшие в ходе второй министерской реформы и в период, последовавший за 1810-11 гг. Именно в это время складываются основные типологические черты системы вспомогательных ученых подразделений. Анализ развития вспомогательных научных подразделений невозможен без разграничения типологических форм, в которых они создавались и функционировали. Как было отмечено выше, именно с их последовательной сменой в литературе связывалась основная линия развития министерских научных подразделений.

Рубеж первого и второго десятилетия XIX в. был ознаменован завершением реформ центрального государственного управления. Непоследовательность и неполнота предпринятых в первые годы царствования Александра I преобразований становились объектами возрастающей критики, как из лагеря сторонников, так и противников складывающейся министерской системы управления⁸⁷. Общий замысел новых преобразований, как и подготовка первых шагов его реализации, принадлежали, как известно, М.М. Сперанскому. Ход и итоги реформы высших органов государственной власти в 1810-1811 гг. неоднократно излагались в литературе⁸⁸, поэтому остановимся лишь на тех элементах министерской реформы, которые вплотную касались последующего процесса создания и развития вспомогательных ученых подразделений.

Реформы центральных органов административной власти оказались наиболее востребованной частью масштабного плана государственных преобразований М.М. Сперанского. Свою окончательную редакцию новое устройство министерств нашло в объемном законодательном акте - в "Общем учреждении министерств"⁸⁹.

Всем министерствам в соответствии с новым положением придавалась единообразная организационная структура. Министерства делились на департаменты, между которыми распределялись "сферы ведения" министерства. Последние, в свою очередь, делились на отделения и столы. Таким образом, принцип министерского единоначалия был дополнен ответственной исполнительской вертикалью, построенной на четком порядке соподчинения и строгом разграничении уровней компе-

тенции. Столь же четко был регламентирован и формализован порядок делопроизводства, коллегиальная система решения дел заменялась "исполнительской" или министерской.

Не следует думать, что коллегиальное, совещательное начало было полностью изгнано из обновленных министерств. Оно было сохранено, но в значительно сокращенном и подчиненном главным организационным принципам объеме. При министерствах существовали Советы министра, в которых объединялись руководители департаментов, могли присутствовать в Совете и "особенные члены", определяемые в его состав по решению императора. В их числе - приглашаемые "по свойству дел лица посторонние, как-то: владельцы заводов, именитое купечество и т.п." (§ 19, 27-30 "Общего учреждения министерств"). Советы оформляли свои решения в журналах заседаний, которые представлялись руководителю министерства. Однако - и это следует подчеркнуть - советы "сами собою не имели никакой исполнительной власти" (§ 128, 132).

Последующее развитие государственной системы в еще большей степени расширило применение коллегиальных принципов в противовес крайностям министерского централизма как внутри министерств, так и в сфере межведомственной координации, но всегда вне связи с прямыми административно-управленческими функциями. Наглядным примером этих тенденций являлись высшие комитеты, создававшиеся уже во второй четверти XIX в.⁹⁰

Несмотря на всю логическую выверенность системы министерского устройства, которую построил М.М.Сперанский, ей не удалось избежать исключений из общего организационного правила. К концу первого десятилетия XIX в. в системе административных органов уже существовали объективно необходимые учреждения, которые невозможно было встроить в министерскую структуру на положении департаментов, отделений или столов. Некоторые из этих подразделений имели существенные особенности в задачах и формах своей деятельности. Именно они получили название "особенных установлений". Приведем полностью весьма лаконичный параграф "Общего учреждения министерств", определяющий их статус:

§ 44. "Некоторые из Департаментов, по свойству вверенных им дел имеют особенные установления, к наукам и художествам принадлежащие, как-то: Ученые комитеты, Чертежные, Лаборатории и тому подобные *временные или всегдашние* (курсив автора. —А.М.) заведения"⁹¹.

Таким образом, "особенные установления" выделялись из общего ряда министерских подразделений. Их задачи, структура, иные органи-

зационно-правовые основания деятельности теперь уточнялись в каждом конкретном случае.

Активно начавшийся процесс перестройки уже существовавших министерств в соответствии с манифестом 25 июля 1810 г. "О разделении государственных дел на особые управления"⁹² и создание новых высших административных органов положили начало периоду оформления системы научно-вспомогательных учреждений: сначала - в рамках центральных органов административного управления - министерств и главных управлений, а затем и в ведомственных структурах, включавших вспомогательные ученые подразделения губернского уровня. Этот период занял более четверти века: с 1811 до середины 50-х гг. XIX в.

В рамках данного периода складывается устойчивая типология "особенных установлений", связанных в своей деятельности с "наукой и искусствами".

В целом, все разнообразие типов организационного устройства ученых вспомогательных подразделений может быть сведено к ограниченному числу вариантов. Эти варианты были заданы исторически эволюцией административных учреждений (коллегиальные либо бюрократические) и, кроме того, обусловлены предполагаемой продолжительностью деятельности (постоянные либо временные). Две выделенные пары признаков образуют в различных комбинациях спектр из четырех организационных форм - типов вспомогательных ученых подразделений (см. табл.).

Таблица

Вспомогательные ученые подразделения министерств и ведомств

	Построенные по "коллегиальному" принципу	Построенные по "бюрократическому" принципу
Постоянные	Советы Комитеты	Бюро; депо; лаборатории; опытные станции и т.п.
Временные	Комитеты Комиссии	Экспедиции

Предложенная типология должна быть дополнена еще одной дефиницией: ученые подразделения образовывались не только как внутриведомственные, но, в некоторых случаях, и как межведомственные учреждения. Это касается, в первую очередь, такой формы, как советы: Медицинский совет, Статистический совет выполняли функции органов межведомственной координации.

Некоторого комментария требует разделение типов вспомогательных подразделений по принципу: "постоянные - временные". Создание того или иного подразделения в качестве постоянного отнюдь не означало, что ему уготована долгая жизнь. Например, Ученый комитет Министерства путей сообщения просуществовал только 6 лет (1865 - 1871 гг.). Можно привести и обратные примеры, когда временные комитеты функционировали в течение десятилетий. Качественное различие между постоянными и временными структурами следует провести в иной плоскости. Постоянные учреждения имели достаточно широкий спектр задач и функций, временные же, как правило, создавались для выполнения какой либо одной задачи. Например, Пароходный комитет, действовавший в Морском министерстве в 1842 - 1856 годах разрабатывал вопросы внедрения на военном флоте паровых силовых установок, гребного винта и т.д.

На практике разделение ведомственных научных подразделений в соответствии с выявленными типологическими формами было, зачастую, отнюдь не столь явным. Название учреждения, форма его организации и спектр решаемых задач не всегда соответствовали установившейся рубрикации, хотя в большинстве случаев эти параметры и совпадали. Проиллюстрируем это обстоятельство двумя примерами. Организованное в составе Министерства финансов в 1811 г. подразделение "для рассмотрения финансовых проектов и учреждений по всем частям Министерство финансов составляющее" первоначально именовалось Пятым отделением канцелярии министра. Отделение было образовано "в виде комитета" и лишь затем приобрело соответствующее название: Ученого комитета Министерства финансов⁹³. Центральный статистический комитет МВД в 1863 г. претерпел очередную реорганизацию, в ходе которой он был преобразован "в учреждение на правах департамента с устранением коллегиального устройства". Название же было решено сохранить прежнее⁹⁴.

Таким образом, построения, основанные лишь на терминологических принципах, оказываются достаточно рискованными. Выводы как о характере деятельности того или иного подразделения, так и о принципах его организационного устройства должны делаться с учетом всей суммы факторов, и в первую очередь, законодательно-нормативной базы по созданию или реорганизации конкретного подразделения.

Необходимо отметить, что хотя все выделенные типы вспомогательных ученых подразделений возникают уже в десятые - двадцатые годы XIX в. в виде конкретных комитетов, советов, бюро, экспедиций и т.п.,

не все они были распространены в равной степени. Предпочтение того или иного типа организации было связано с комплексом исторически сложившихся факторов как в развитии госаппарата, так и науки и форм ее организации. Не случайно, термин "Ученый комитет", хотя и не совсем правомерно с формально-типологической точки зрения, стал в литературе нарицательным определением министерских ученых учреждений в XIX в. Данная организационная форма вспомогательного научного подразделения действительно была ведущей на протяжении трех первых четвертей XIX в. В конце XIX в. соответствующая терминология воспринималась в законодательной практике уже как традиционная. В качестве характерной иллюстрации приведем следующий пример: при утверждении "Положения" о вновь создаваемом геологическом учреждении в составе Министерства государственных имуществ, предполагавшееся в проекте название: "Геологический институт" было заменено на "Геологический комитет". В решении Государственного совета было отмечено, что "поскольку проектируемому учреждению придается характер учено-административный", предпочтительнее присвоить ему наименование "не института, связанное у нас с понятием об учебном заведении, а комитета, что соответствовало бы установившейся терминологии"⁹⁵.

1.2. Создание системы Ведомственных Вспомогательных ученых учреждений в 1811 - 1840-е гг.

Вскоре после введения в действие основополагающих документов реформы государственного управления 1810-11 гг. началось преобразование министерских структур. В ходе этих реорганизаций процесс выделения ученых установлений в качестве самостоятельных подразделений министерств заметно активизируется. В течение второй четверти XIX столетия практически все ведущие ведомства имперского управления обзаводятся учеными комитетами и советами, которые к концу сороковых годов образуют систему ведомственного научного обслуживания органов государственного управления. Создание системы ведомственных ученых подразделений сопровождалось поисками форм их организационного устройства, конкретизацией задач и функций этих учреждений. На ход этого процесса решающее влияние оказали социально-экономические условия, существовавшие в России в предреформенные десятилетия, уровень развития прикладных составляющих научного

знания. Вместе с тем, наглядно обозначились установки правящей элиты в отношении науки, запросы, предъявлявшиеся к ней со стороны государственной власти.

Поэтапное развитие правительственной политики в сфере науки и образования, связанное, по замечанию Г.Е. Павловой, с "колебаниями внутренней и внешней политики царского правительства"⁹⁶, определялось комплексом как объективных, так и субъективных предпосылок. Причем воздействие последних, благодаря существовавшей в России социально-политической системе, проявлялось весьма отчетливо.

Во-первых, это власть монарха, который был, не только формально, но и реально высшей инстанцией законодательной и исполнительной власти. Личность каждого из представителей правящей династии окрашивала эпоху своими характерными чертами. Не только мнения, но и предубеждения императора воплощались, в конечном счете, в правительственную политику.

Во-вторых, система власти, созданная в России в начале XIX столетия, обеспечивала исключительное положение высшего слоя правящей бюрократии⁹⁷. Министры были подотчетны только императору, который, по меткому замечанию Ф.Ф. Вигеля - чиновника, прекрасно знавшего действующую систему, - "должен был уважать в них свой выбор"⁹⁸. Личные качества того или иного вельможи, его образованность, эрудиция, способность понять задачи научного обеспечения деятельности вверенного ему ведомства, существенно влияли на судьбу министерских ученых подразделений.

В условиях, когда уровень социально-экономического развития, объективно определявшийся сохранением крепостнических отношений, мало способствовал интеграции научно-технических новаций в народное хозяйство, именно факторы субъективного порядка в значительной степени определяли привлечение науки к решению государственных задач.

Рассмотрим, как происходило развитие ученых министерских подразделений в указанные десятилетия.

Еще до обнародования "Общего образования министерств" получает новое устройство Министерство внутренних дел, реорганизуется Министерство финансов, учреждается новое Министерство полиции⁹⁹.

По новому разделению дел управление медицинской частью перешло в состав последнего, и был создан "Особенный Медицинский совет", взявший на себя исполнение части задач Медицинского совета МВД (1803-1810). Новое ученое подразделение с точки зрения принци-

пов его организации имело мало общего со своим предшественником. В-первых, вся ученая часть "медицинского установления" была передана в Министерство народного просвещения, где так же создается свой совет. Функции руководства медицинской наукой оказались, таким образом, расплынены. Во-вторых, состав Медицинского совета Министерства полиции был организован по принципу ведомственного представительства: в него вошли Генерал-штаб-докторы Военной, Морской и Гражданской части, директор Медицинского департамента, а в качестве председателя был назначен сенатор А.У. Болотников¹⁰⁰. Почетные члены совета - представители медицинской науки - приглашались в "сословие" лишь в важных случаях, то есть фактически утрачивали реальное влияние на деятельность этого подразделения¹⁰¹. Медицинский совет министерства полиции в соответствии с задачами, определенными для него "Положением", ведал лишь "предметы по части экономии и общим предостерегающим мерам": снабжение армии и флота медикаментами и хирургическим инструментом, разбор сомнительных случаев судебной медицины, наставления медицинским чиновникам, предостережения об эпидемиях и т.п. Единственной чисто научной задачей этого учреждения можно считать "издание журнала опытной медицины"¹⁰². Символическим актом, последовавшим вскоре, вослед за реорганизацией медицинского совета в составе нового министерства, было высочайше санкционированное присвоение членам Совета мундира Министерства полиции¹⁰³. "Ученая часть медицинских установлений", как отмечалось выше, перешла в состав Министерства народного просвещения, где вскоре попала под опеку печально известных, ставших еще в XIX в. символами клерикальной реакции, министра А.Н.Голицина и его ближайших соратников А.К.Струдзы, М.Л.Магницкого и Д.П.Рунича. Широкий спектр задач Совета: распространение и усовершенствование медицинских познаний, испытание новых лекарственных средств и открытий в области медицины, аттестация кадров и т.д. дублировался и контролировался третьим отделением Департамента народного просвещения¹⁰⁴.

Политику правительства по отношению к науке и высшему образованию в последнее десятилетие правления Александра I трудно характеризовать иначе, нежели как реакционную. Мистицизм императора и ближайшего окружения, вылившийся в попытки утвердить примат веры над знанием, не только существенно подорвали развитие науки и высшей школы. Общая ситуация не могла не повлиять и на процесс формирования ученых министерских подразделений.

В 1818 г. в Министерстве духовных дел и народного просвещения был образован в составе Главного правления училищ Ученый комитет, сфера деятельности которого сосредотачивалась на цензуре "книг для учебных заведений заготовляемых" и рассмотрении проектов и предложений по ученой части по Главному правлению училищ¹⁰⁵. Создание комитета, как это бывало и раньше, лишь законодательно оформило существование уже сложившейся группы, действовавшей в составе Главного правления училищ, в обязанности которой входил подбор авторов для составления учебных пособий¹⁰⁶. Однако новое министерское руководство планировало совершенно иное направление деятельности Ученого комитета. Из спектра задач комитета именно первая - цензура учебных книг - представлялась наиглавнейшей его создателям. В августе 1818 г. А.К.Струдзой была составлена инструкция для вновь учрежденного Ученого комитета. "Главнейшее и существеннейшее служение комитета состоит в том, - гласила инструкция, - чтобы народное воспитание посредством учебных книг направить ... к водворению ... постоянного и спасительного согласия между верою, ведением (знанием. - *А.М.*) и властью"¹⁰⁷.

Помимо означенных выше задач, комитету поручалось продолжить издание "Журнала Департамента народного просвещения". При сохранении основной рубрикации издания, направление его было совершенно определенным. "Содержание сего периодического сочинения - отмечалось разработчиками нового законоположения - заимствуемое из тех же источников, долженствует быть с наивящим попечением и разборчивостью назначаемо..."¹⁰⁸. Комитет получил закрытое устройство: по "Положению" его составляли "три или четыре чиновника" (институт почетных членов или членов-корреспондентов не предполагался). Таким образом, ни по своим задачам, ни по организационному устройству Ученый комитет МНП в первую половину XIX в. не может рассматриваться как подразделение, выполняющее научные функции.

Разгром на рубеже 1820-х гг. сначала Казанского, а затем и Петербургского университетов, преследование прогрессивных ученых, ряд из которых сотрудничали с учеными комитетами министерств¹⁰⁹, достаточно наглядно характеризуют роль министерства духовных дел и народного просвещения в развитии отечественной науки в конце 1810-х - первой половине 1820-х годов.

Однако, несмотря на столь решительную ревизию государственной политики по отношению к науке, практическое использование ее данных и прикладных возможностей в конкретных отраслях государствен-

ного управления и хозяйства стало не только осознанной потребностью, но и объективной реальностью. В преимущественном положении оказывались те сферы административного управления, которые опирались на точные, идеологизированные, как следствие, не вызывающие подозрения научные дисциплины. Тот же А.Н. Голицин, столь печально прославившийся на ниве руководства народным образованием, видел главное прикладное назначение математики в военном деле"¹¹⁰.

Внешнеполитическое положение России в первое десятилетие XIX в. заставляло уделять вопросам развития вооруженных сил особое внимание. Активно шел процесс как количественного увеличения армии, так и ее качественного совершенствования. За годы, предшествовавшие решающей схватке с Наполеоном в 1812 г., численность пехоты увеличилась более чем в два раза, кавалерии - в полтора, артиллерии - на четверть¹¹¹. Делались серьезные шаги по совершенствованию организации родов войск и управлению ими. В январе 1812 г. получает новую организацию центральное управление сухопутными вооруженными силами - Военное министерство.

Как и в других министерствах, в его составе образуются особенные установления, которые были призваны обеспечить необходимое участие науки в столь важной для государства сфере, как военная. Весьма интересным с типологической точки зрения представляется следующее обстоятельство: в Военном министерстве одно из особенных ученых установлений - Военно-ученый комитет был образован по коллегиальному принципу, а Военное топографическое депо - по "бюрократическому".

Военно-ученый комитет министерства (с 1815 г. в составе Главного штаба е.и.в.) подобно большинству ученых комитетов был учрежден на принципах научной корпорации. Его состав был образован непременными, почетными членами и членами-корреспондентами. Две последние категории избирались самим комитетом и утверждались военным министром. Главная обязанность созданного подразделения заключалась в "распространении сведений по ученой части военного искусства", для чего предусматривалась достаточно широкая издательская программа комитета. Кроме того, в обязанности Военно-ученого комитета входило рассмотрение проектов и новых предложений, осуществление опытов, а так же аттестация чиновников, "вступающих в ученые корпуса * Военного департамента и представление оных к производству"¹¹². Разделение конкретных научно-прикладных направлений по родам

Имелсь в виду офицеры-артиллеристы и инженеры.

войск отразилось на структуре Военно-ученого комитета: состав его действительных членов комплектовался представителями артиллерийской, инженерной и квартирмейстерской части.

Неспособность комитета охватить столь широкий круг вопросов стала очевидна достаточно быстро. Уже в 1818 г. генерал-инспектор инженерной части в.к. Николай Павлович, высказал мнение о необходимости иметь при каждой из частей (артиллерийской, инженерной и квартирмейстерской) особые Ученые комитеты¹¹³. По новому "Положению", выработанному в 1836 г., комитет образовывался уже в составе трех отделений, каждое со своим штатом¹¹⁴. Однако, ни "Положение" 1812 г., ни 1836 г. не предусматривали создания в структуре Военно-ученого комитета или в его непосредственном подчинении каких-либо подразделений для проведения опытных работ. Материалы для необходимых исследований, полигоны и прочее обеспечение должны были предоставлять Артиллерийский и Инженерный департаменты, что, несомненно, уменьшало реальные возможности комитета для осуществления исследований¹¹⁵. Как мы увидим далее, этот подход к организации деятельности ученых комитетов, характерный не только для военного ведомства, в значительной мере предопределил их дальнейшую эволюцию. В структуре задач комитетов консультативные, информационные функции будут превалировать над исследовательскими, а последние - обретут иные организационные формы.

Параллельно с ученым комитетом министерства возникает Инженерный комитет (1819 г.) и Комитет по артиллерийской части (1827 г.), которые в значительной степени дублировали задачи и функции Военно-ученого комитета. Вплоть до 40-х гг. Военно-ученому комитету не удалось наладить эффективной деятельности. Лишь в 1827 г. комитет смог организовать выпуск "Военного журнала", не имевшего, впрочем, никакой известности в войсках. Его тираж в 1827 - 1846 гг. составлял лишь 150 экз.¹¹⁶ Деятельность оживилась только в середине 40-х гг. с приходом к руководству комитетом Ф.Ф. Шуберта. В этот период Военно-ученый комитет принимает участие в планировании и организации военно-топографических и военно-статистических работ. Последние осуществлялись в тесном научном контакте с учеными Императорской военной академии, где в качестве ведущего специалиста в области военной статистики работал Д.А. Милютин. Результатом проведенных масштабных статистических работ стало издание "Военно-статистического обозрения Российской империи"¹¹⁷.

Военно-топографическое депо, образованное в ходе реорганизации Военного министерства в 1812 г., помимо задач по составлению карт и топографических описаний, сосредотачивало в себе все работы по собиранию и хранению военно-исторических материалов. Причем "сочинение из всех собираемых материалов основательных записок и таблиц из исторических военных сведений" также входило в круг его обязанностей¹¹⁸. Военное топографическое депо с момента его учреждения было крупным структурным подразделением министерства. В его составе было 6 отделений с общим штатом 51 человек. Помимо инженер-топографов, состоявших в офицерских чинах, в составе депо работали два астронома из гражданских лиц, а мастерскую по изготовлению и починке астрономических и топографических инструментов возглавлял, согласно штату, профессор механики¹¹⁹. О том, сколь значительная роль отводилась Военному топографическому депо в составе центрального военного управления, свидетельствует принятие в 1816 г. должности директора Депо П.М.Волконским, являвшимся в то время начальником Главного штаба¹²⁰. Бюджет депо с механической мастерской, обслуживавшей его потребности в оборудовании, составлял 54600 руб. в год. Для сравнения укажем, что бюджет всех департаментов Военного министерства составлял 681820 руб., т. е. затраты на Военное топографическое депо составляли около 8% от сумм, отпускавшихся по штатам 1812 г. на 7 департаментов министерства¹²¹.

Средства, выделявшиеся на Военно-ученый комитет, выглядели скромнее: в год по штатам 1812 г. на содержание комитета отпускалось 25680 руб., причем из них 20100 руб. - на жалование членам комитета и чиновникам, состоящим в классовых чинах. Никаких средств на финансирование работ комитета не предусматривалось. Лишь в 1819 г. штаты комитета были пересмотрены, и наряду с увеличением численности сотрудников начинают выделяться средства на награды за сочинения и переводы, покупку книг, инструментов, "на разные ученые опыты и исследования" в размере 10 тыс. рублей в год¹²². Конечно, подобная сумма являлась совершенно недостаточной для развертывания сколь-нибудь серьезных научных работ. Скудное финансирование обрекало ученые комитеты на пассивное существование, ограничивая круг их деятельности лишь экспертизой чужих предложений.

В десятые годы XIX в. делается и первая серьезная попытка организации административной статистики на научных основаниях. В составе Министерства полиции в рамках 1-го отделения Департамента полиции исполнительной выделяется Ученая часть, заведование которой было

поручено профессору К.Ф. Герману - выдающемуся русскому статистику начала XIX в.

К.Ф. Герман стремился организовать статистические работы Министерства полиции в соответствии с передовыми требованиями современной ему науки, придавая данным статистики широкое общественное и государственное звучание. Еще в 1806 г. в "Статистическом журнале", издававшемся по его инициативе, К.Ф. Герман писал: "Статистика изображает государство ... со всевозможной точностью, ничего к тому не прибавляя, и ничего не упуская такого, что бы могло иметь примерное влияние на благо государства"¹²³. А.Д. Балашев, возглавлявший Министерство полиции, разделял взгляды Германа на задачи и способы организации административной статистики. В 1817 г. получает новую организацию "Статистическая часть" Министерства полиции. Ей было определено изучать в качестве главного предмета "хозяйство Российского государства, населенность и естественные пособия земли", причем все предметы было Предписано излагать "в качественных и количественных видах, в порядке мест и предметов"¹²⁴. Изложение предметов в "качественном виде" было поручено Ученому установлению, заведование которым осуществлял К.Ф. Герман.

Ему разрешалось приглашать к занятиям "людей посторонних, имеющих познания и способности для статистической части"¹²⁵. Иными словами, организация Ученого установления была близка устройству ученых комитетов других министерств.

Судьба статистического подразделения оказалась столь же недолгой, как и самого министерства, при котором оно было создано. В 1819 г. А.Д. Балашев был назначен генерал-губернатором пяти черноземных губерний, однако он попытался сохранить за собой руководство статистической службой в государстве. Несмотря на подготовленный Балашевым пространный проект организации "Статистического учреждения", в котором он отводил себе должность главного попечителя, идеи, высказанные в проекте, встретили сопротивление в Комитете министров. Более того, статистическую часть было решено присоединить к Министерству внутренних дел¹²⁶. Данное переподчинение фактически затормозило становление государственной статистической службы более чем на десятилетие, и задача была снова поставлена на повестку дня лишь в середине 30-х гг. XIX в.¹²⁷

В 1811 г. получает новое устройство Министерство финансов. В его составе так же создается вспомогательное ученое подразделение. Оно было образовано в структуре канцелярии министра как ее Пятое отде-

ление (Отделение финансовых учреждений). Задачей вновь созданного подразделения, "действующего в виде комитета", было "рассмотрение финансовых проектов и учреждений по всем частям министерство составляющее"¹²⁸. Отделение являлось замкнутым подразделением, состоявшим из трех чиновников, назначаемых министром, и не включало в свой состав ни членов-корреспондентов, ни почетных членов¹²⁹. В 1824 г. по инициативе Е.Ф.Канкриня Пятое отделение было преобразовано в Ученый комитет Министерства финансов, но изменения коснулись в большей степени лишь названия. По-прежнему главным содержанием его работы было "собирать нужные справки, делать потребные извлечения, следовать вообще ходу финансовой части в Европе и доводить до сведения министра все то, что ему по ходу сему знать необходимо"¹³⁰. Лишь во второй половине XIX в., в 1861 г., Комитету будет предоставлено право приглашать на свои заседания лиц, "специально знакомых с рассматриваемым каждый раз делом"¹³¹.

Итак, уже в течение первого десятилетия после реформ 1810-1811 годов сеть специализированных ученых подразделений существенно расширилась. Если в период 1802-1810 гг. в составе центральных административных органов было лишь три постоянных специализированных вспомогательных ученых подразделения: Медицинский совет, Ученая часть Адмиралтейского департамента и Артиллерийский комитет, то в начале двадцатых годов их количество увеличилось до 8. Вместе с тем, нельзя не отметить тенденции, явственно обозначившейся в начале второго десятилетия XIX в. Это бюрократизация министерских ученых структур. Принципы научной корпорации, выборность членов ученых комитетов, широкие программы деятельности - все, что было обозначено в нормативных положениях о деятельности этих подразделений в первое десятилетие века, уходит в прошлое, будучи заменено привычными канцелярскими подходами.

Наиболее значимой для процесса формирования системы министерских ученых подразделений стала вторая четверть XIX столетия. Эпоха Николая I, а именно ей принадлежат отмеченные выше два с половиной десятилетия, вряд ли может быть оценена однозначно. Она в равной степени содержала в себе и черты стабилизации, даже стагнации, и черты грядущего кризиса начала 50-х годов, но в ней же вызревали и будущие Великие реформы.

Образ императора Николая I в историографической традиции мало соответствует эталону "просвещенного монарха". Лишь в последнее время появляются работы, подвергающие справедливому сомнению

оценки, ставшие привычным рефреном в исторических работах, рассматривающих период его правления¹³². Тем не менее, охарактеризовать позицию Николая Павловича в отношении наук и просвещения, а вместе с ней и государственную политику в этом вопросе, какой-либо одной категоричной формулировкой невозможно. Причины этой неоднозначности не только в "колебании политической линии", но и в особенностях эпохи, в том достаточно необычном, с позиций современного наблюдателя, соединении ценностных установок, которые сформировались в среде российской правящей элиты в первую половину XIX столетия.

Действительно, не имея серьезного образования и не получив вкуса к академическим занятиям¹³³, Николай I в то же время с большим интересом относился к прикладным, конкретным, в первую очередь, техническим возможностям наук. Именно в период его правления большой шаг вперед делает система специальных высших технических учебных заведений¹³⁴. Несомненно большая поддержка, оказывавшаяся Николаем I развитию академической науки, осуществлению конкретных научных проектов¹³⁵. Вместе с тем, современники зафиксировали немало достоверных свидетельств пренебрежительных высказываний Николая Павловича о своих преподавателях, пользе наук и т.п.¹³⁶ Возможно ли такое объединение этих внешне противоречивых данных?

Своеобразное отношение к знанию было свойственно, без сомнения, не только Николаю Павловичу, что представляло собой определенный тип отношения к науке в придворной и бюрократической среде. Данное утверждение верно уже потому, что как "двор делает короля" так и воззрения монарха являются образцом для приближенных. Николай, готовившийся первоначально для военной карьеры, впитал основной комплекс идей и ценностей, присущий этому сословию. Поэтому можно говорить и об известной типичности суждений императора.

Правящее сословие России испытало мощнейшее влияние идей века Просвещения. Значимость науки для успешного развития государства вряд ли могла быть поставлена под сомнение. Однако это еще не вело автоматически к принципиальному изменению ее статусного положения. В рамках жестко ранжированной структуры российского общества она не занимала высокого положения (табельный ранг академика был равен лишь VI классу - чину полковника в армии). Ученость являлась достоинством, но достоинством не абсолютным в сравнении с другими качествами. Описываемую ценностную систему исключительно точно зафиксировала сентенция, принадлежащая второму по старшинству из

сыновей Павла I - Константину: "[...] хотя я весьма люблю, чтобы офицер имел хорошее образование и учился хорошо, но ученых из них не люблю. Они обыкновенно скоро себя забывают, не видевши ничего и не зная настоящее дело опытом. Прапорщик начинает осуждать деяния фельдмаршала"¹³⁷. Таким образом, знанию противопоставлялся практический опыт, который выглядел более значимым чем "абстрактная ученость".

Николай Павлович также ставил на первое место именно прикладные, осязаемые, видимые результаты и возможности научного знания. Используя сегодняшнюю терминологию, Николая I можно было бы назвать сторонником технократических воззрений, не подразумевая под этим, конечно, развернутой теоретической базы подобных идей. Технократизм в практике, не только предпочтение, но и противопоставление знания практического чистой науке, вполне органично сочетались в его политике со стремлением встраивать науку в систему государственного управления. М.Ф.Хартанович справедливо отмечает, что "интерес императора непосредственно к научной жизни страны был связан только с необходимыми мерами по укреплению отечественной промышленности и военной мощи"¹³⁸.

Очевидно, что данные подходы содержали в себе неизбежные противоречия и изъяны. Стремление выделить сугубо "полезную" составляющую науки диктовало совершенно определенный набор задач и критерии оценки, что в полной мере проявилось в подходах к организации вспомогательных ученых подразделений.

Пожалуй, наиболее полно противоречивость подходов, свойственная рассматриваемому периоду, сказалась в сфере военной. Именно в этой области непосредственное участие императора в принятии решений было особенно велико. Кроме того, высокая "технологичность" военной сферы, а также приоритетный характер финансирования армии - главной опоры престола - позволяют увидеть тот максимум использования прикладных возможностей науки, который был доступен с учетом всего комплекса объективных и субъективных факторов. Судьба ученых подразделений в военном ведомстве является своеобразной квинтэссенцией политики Николая I по отношению к прикладной науке, развивавшейся в ведомственных рамках.

До своего вступления на престол Николай Павлович занимал пост генерал-инспектора инженерной части и был шефом I гвардейского саперного батальона¹³⁹, В роковые часы 14 декабря 1825 г. именно лейб- гвардии саперный батальон под командованием А.К. Геруа в решающий

момент подошел к Зимнему дворцу. Все эти обстоятельства определили особенное внимание Николая I к инженерным войскам, и на протяжении его царствования все вопросы, возникавшие перед Инженерным департаментом "под влиянием высоких покровителей устраивались и выполнялись скоро, легко и полезно"¹⁴⁰.

Как отмечалось выше, Николай Павлович активно поддерживал создание специализированных военно-ученых комитетов по родам войск. В 1819 г., продолжая начатое П.К. Сухтеленем и А.А. Аракчеевым дело развития инженерного образования, он выступил инициатором создания Главного инженерного училища, составил его устав, который существенно отличался от существовавших в тот период уставов кадетских корпусов. В частности, зачисление в училище осуществлялось не ранее 14 лет и по экзамену¹⁴¹. К преподаванию были привлечены известные и талантливые ученые: профессора К.И. Арсеньев, М.Ф. Соловьев, Д.С. Чижов, опытные военные специалисты: артиллерист А.В. Дядин и военный инженер Х.Х. Христиани¹⁴². Несмотря на эти, более чем благоприятные условия, инженерные войска, как и армия в целом, не сделали в годы правления Николая Павловича сколь-нибудь решительного шага вперед в своем техническом оснащении и применении достижений науки к военному делу. Военно-ученому комитету не удалось ощутимо повлиять на ход технической модернизации армии при наличии объективных потребностей во внедрении новых типов артиллерийского и стрелкового вооружения и инженерных средств. Причины подобного положения дел нужно связывать с рядом обстоятельств.

На протяжении первой половины XIX в. состав членов Военно-ученого комитета комплектовался в основном боевыми офицерами. Не обладая специальной научной подготовкой, они не всегда могли в необходимой степени вникнуть в суть технических новшеств. Кроме того, участие в работах Военно-ученого комитета являлось для офицеров и генералов, как правило, дополнительной обязанностью. Деятельность его членов зачастую сводилась к написанию обширных критических справок по поводу полученных комитетом предложений, а далее дело гложло в бюрократических кабинетах. В 1826 г. подобный стиль работы заслужил раздраженную резолюцию директора Инженерного департамента инженер-генерала К.И. Оппермана: "[...] Военно-ученый комитет учрежден на предмет усовершенствования предложений, поступающих в оный на рассмотрение, не ограничиваясь только одними замечаниями и критикой"¹⁴³. Но все осталось без изменений. По новому положению об устройстве Военно-ученого комитета, принятому в 1836 г., основные

принципы комплектации его состава и схема деятельности были сохранены¹⁴⁴.

В соответствии с установленными правилами, Военно-ученый комитет лишь рассматривал поступающие в военное ведомство предложения и изобретения, а также аккумулировал сведения "об опытах, производимых по разным предметам военного искусства всеми местами и лицами военно-сухопутного ведомства"¹⁴⁵. Таким образом, его роль в определении направлений и планировании исследований сводилась к минимуму, ограничиваясь экспертной функцией. Последнее - наиболее значимо для объяснения результатов его деятельности в николаевское время.

Все решения по наиболее значимым исследованиям, проводившимся в военном ведомстве, принимались непосредственно самим императором. Николай I неоднократно сам присутствовал на демонстрациях и испытаниях новых военно-технических средств. В частности, император присутствовал в 1833 г. при испытаниях на полигоне в Красном Селе трубной системы обороны крепостей, где впервые были осуществлены широкомасштабные опыты подрыва мин "посредством гальванизма" с использованием электрозапалов П.Л. Шиллинга фон Конштадта¹⁴⁶. В этом же году в присутствии Николая I был опробован и электромагнитный телеграф П.Л. Шиллинга¹⁴⁷. В 1834 г. он наблюдал за попыткой практического применения подводной лодки конструкции К.А. Шиль-дера¹⁴⁸ и т.д. В соответствии с личными решениями Николая I осуществлялось и выделение средств на исследования. Поскольку проведение опытов, изготовление образцов новой техники были зачастую связаны с весьма значительными затратами, намного превышающими не только средства, выделявшиеся Военно-ученому комитету на исследовательские цели, но и штатные суммы на его содержание, работа над конкретными проектами сосредотачивалась, как правило, в специально учрежденных временных комитетах: Комитет об улучшении штуцеров и ружей (1849-1860 гг.)¹⁴⁹, Комитет о подводных опытах (1839-1853 гг.)¹⁵⁰ и другие аналогичные подразделения.

В какой мере избранные приоритеты в развитии военной техники оказались верными? Многие из опытов, ставившихся в военном ведомстве, были весьма дорогостоящими. Так, на создание упомянутой выше подводной лодки К.А.Шильдера из казны было выделено 23488 руб.¹⁵¹ В дальнейшем эта сумма была увеличена за счет средств, выделенных для строительства "плавучей базы", - специального парохода, буксирующего лодку. На создание двух таких судов было затрачено 94 тыс.

рублей ассигнациями¹⁵². Отметим, что в общей сложности эти средства более чем в три раза превышали годовой бюджет Военно-ученого комитета по штатам 1836 г. По оценке Комитета о подводных опытах, рассматривавшего в 1841 г. вопрос о целесообразности дальнейших испытаний, "и при лучшем ее устройстве нет никакого ружательства к надежному употреблению ее против неприятеля"¹⁵³ Исследователь творческой биографии К.А. Шильдера Ю.Г. Мазинг отмечает, что проект реально действующего подводного судна был неосуществим на уровне техники 40-х - 50-х гг. XIX в.¹⁵⁴

Вместе с тем, многие перспективные научные разработки не внедрялись или находили дорогу к применению со значительным запозданием. Лишь в 1836 г. был назначен Комитет для рассмотрения электромагнитного телеграфа, который положил начало осуществлению практических опытов по использованию телеграфа Шиллинга¹⁵⁵. Масштабное строительство проводных телеграфных линий в России разворачивается только с начала 50-х гг. XIX в.¹⁵⁶ Электрические взрыватели, первые опыты с которыми П.Л. Шиллинг провел в 1812 г.¹⁵⁷, долго не находили практического применения в военной практике. К.А. Шильдер деятельно способствовал продвижению изобретения П.Л. Шиллинга в практику военного дела, существенно расширив сферу его конкретных приложений от подводных мин до запуска боевых ракет при помощи электрического взрывателя. Но только в 1840 г. была сформирована специальная команда "для теоретического обучения гальванизму и способам применения его к военному делу", а первое практическое употребление электрических взрывателей - при осаде аула Салты - относится к 1847 г.¹⁵⁸ Пятнадцать лет понадобилось императору, считавшему инженерное искусство сферой своей профессиональной компетенции, чтобы дать высочайшую санкцию на использование изобретения. Приказ, полученный начальником Гальванической части штабс-капитаном Вансовичем, был лаконичен: "Поезжай на Кавказ и покажи Михаилу Семеновичу (кн. Воронцову) эту чертовщину"¹⁵⁹.

Военно-ученый комитет не стал в годы правления Николая I центром технических новаций в армии. Характерно, что деятельность наиболее яркого представителя когорты членов Военно-ученого комитета николаевского призыва К.А. Шильдера в качестве члена ученого установления военного министерства не была результативной. Следует отметить, что его важнейшие успехи были достигнуты вне стен Военно-ученого комитета. По оценке историка военно-инженерного дела в России А. Савельева, К.А. Шильдер с интересом подхватывал и развивал

новые технические идеи, но не всегда мог (или не всегда хотел) разобраться в предложениях, поступавших в комитет. Характерен эпизод с экспертизой воздушного насоса, изобретенного генералом А.А. Саблуковым. В приборе А.А. Саблукова был использован принципиально новый способ центробежного вентилятора, что делало его дешевле, легче и примерно в четыре раза эффективнее использовавшегося в то время вентилятора Сиверса¹⁶⁰. Экспертиза, порученная Шильдеру, тянулась почти десять лет: с 1832 по 1842 гг. После ее завершения К.А. Шильдер в течение года составлял отчет (причем, заключение было отрицательным), а затем предложил собственный проект, который в итоге оказался хуже образца Саблукова¹⁶¹.

Обширные материалы о судьбе изобретений А.А. Саблукова, К.А. Шильдера, П.Л. Шиллинга, Б.С. Якоби¹⁶², находившихся в сфере непосредственных интересов военного ведомства, позволяют, как представляется, выявить ряд существенных черт в организации работ, направленных на внедрение технических новшеств.

В своем большинстве научно-техническая деятельность военного ведомства не носила планомерного характера. Вряд ли данное обстоятельство можно объяснить лишь недалекостью военного руководства. Существовавший уровень взаимодействия науки и техники в тот период объективно выдвигал на первый план эмпирические, опытные средства. Лишь работы академика Б.С. Якоби, проводившиеся для нужд военного министерства в 40-е и 50-е гг. XIX в., можно с полным основанием причислить к исследованиям, осуществлявшимся в тесной связи с теоретическими данными науки. "Штучный характер" новаций, появлявшихся в поле зрения военного ведомства предопределял и соответствующий способ принятия решений по каждому отдельному предложению. Многие из выдвигавшихся идей не могли быть обеспечены соответствующим уровнем техники и технологии производства того времени и не находили воплощения на практике.

Интерес Николая I к техническому совершенствованию военной сферы, да и к другим возможным научно-прикладным направлениям ограничивался в основном внешней стороной. Ни сам император, ни значительная часть людей, которым он вверял это дело, не смогли проявить необходимой компетентности. Николай Павлович был свято уверен, что как "добрая нравственность" является "лучшей теорией права"¹⁶³, так и в других отраслях науки добросовестный генерал вполне совладеет с учеными предметами. Однако реальный опыт показал всю ошибочность этого подхода. Красноречивую характеристику этого на-

правления деятельности Николая I дал один из видных представителей военной элиты первой половины XIX в. П.Х. Граббе. "Странно и поучительно - отметил генерал, - что в общих мерах покойного государя, обращенных наиболее на военную часть, упущены две такие важности, каковы введение усовершенствований в артиллерии и в ружье"¹⁶⁴. Действительно, военные действия 1850-х гг. наглядно продемонстрировали "упущенные важности", в число которых входили и паровой флот, и современная система коммуникаций, и многое другое.

Отношение к сфере военных научно-прикладных исследований определялось и некоторыми дополнительными факторами: после побед в войне с Наполеоном русская армия представлялась императору и его окружению и в существующем виде наиболее сильной в Европе и, как следствие, не требующей каких-либо существенных технических модернизаций. Необходимость ограничить расходы на содержание вооруженных сил, тяжким бременем лежавшие на государственном бюджете, отодвигала вопросы технического совершенствования в раздел второстепенных проблем. Расплатой за столь близорукую политику стало позорное поражение русской армии в Крымской войне, где вопросы технического оснащения войск сыграли далеко не последнюю роль.

Как отмечалось выше, система министерского управления в том виде, в котором она существовала в России XIX века, целиком замыкалась на фигуре министра, являвшегося полновластным хозяином своего ведомства. Необходимо отдать должное Николаю I, который во второй половине 20-х - первой половине 30-х гг. привлек к государственной работе немалое число способных и образованных сотрудников. В их числе Д.Н. Блудов, Е.Ф. Канкрин, П.Д. Киселев, М.М. Сперанский, С.С. Уваров и некоторые другие.

Этот слой управленцев был своим воспитанием и образованием теснейшим образом связан с эпохой Александра I, и не только по времени, но и по духу. Либеральные и просветительские идеи первого десятилетия XIX в. прочно пустили корни в общественной жизни. По оценке В.В. Леонтовича, "многие из его (Николая I) сотрудников придерживались ... мнений, которые нельзя назвать иначе, как либеральными"¹⁶⁵.

Е.Ф. Канкрин и М.М. Сперанский, как известно, оставили свой след в истории не только как администраторы, но и как авторы серьезных научных трудов в области экономики, теории народного хозяйства и в правоведении. С.С. Уваров, по отзыву Б.Н. Чичерина, который не был слишком щедр на похвалы современным ему государственным деятелям, "был человек истинно просвещенный, с разносторонним образова-

нием ... в нем ярко выступала отличительная черта людей Александровского времени - горячая любовь к просвещению"¹⁶⁶. Последнюю характеристику, данную Б.Н. Чичериным Уварову, можно принять в качестве наиболее обобщенной, свойственной многим представителям этого поколения.

Уважение и интерес к науке порой приобретал у представителей министерской бюрократии неожиданные формы. Не следует забывать, что большинство из них как управленцы, даже при неплохой общей образованности, были дилетантами в тех сферах, которыми руководили. Например, П.Д. Киселев в 1841 г., вдохновленный успехами выставок, проводившихся Министерством финансов, высказал идею о создании при губернских палатах госимущества музеев различных хозяйственных предметов. Ученый комитет министерства, в который было передано на рассмотрение это пожелание, оказался в сложном положении. Дабы не уничтожить на корню просвещенную идею министра и не поддерживать заведомо нежизнеспособную и ненужную инициативу, Комитет дипломатично предложил "ограничиться расширением уже созданного музея при Лесном и Межевом институте"¹⁶⁷.

Таким образом, стремление использовать достижения науки, поставить ее возможности на службу России было естественным для значительной части высшей бюрократии Николаевского времени. Лучшие ее представители видели отсталость страны в экономическом, а по ряду направлений и в научно-технологическом, отношении. Они критически относились ко многим реалиям российской действительности, в первую очередь к крепостному праву. Однако, будучи сами плоть от плоти бюрократической системы, более того, олицетворяя эту систему, они действовали в направлении, определенном монархом и главнейшими правилами устройства бюрократической власти.

Итак, при наличии необходимых предпосылок для активного развития ученых министерских подразделений во второй четверти XIX века рост этих подразделений проходил непросто. Увеличение численности "ученых установлений" вполне уживалось с бюрократизацией их деятельности. Главной проблемой, которую приходилось решать на этом этапе как органам центрального административного управления в лице своих высших руководителей, так и ученым, привлекавшимся в состав ученых комитетов, была проблема соотношения запросов управленческого аппарата к прикладной науке с ее возможностями дать на них ответы.

Ведомством, сконцентрировавшим в своей структуре управление большинством отраслей государственного хозяйства, стало после реформ 1810-1811 гг. Министерство финансов. В составе Министерства был образован Департамент государственных имуществ, в который вошли на правах отделений управление казенными лесами и управление государственным земельным фондом. Горное и соляное управление были выделены в отдельный департамент. В соответствии с "Учреждением Министерства финансов" в его структуре был сохранен Горный совет на правах общего присутствия департамента, кроме того, при Департаменте горных и соляных дел создавалась лаборатория, которой поручалось "производство разных химических опытов по всем предметам, относящимся к ведению Департамента"¹⁶⁸. Все дела по "ученой части" распределялись между столами. Так, Первому столу Отделения казенных лесов поручалось вести лесные институты и училища и "все дела по лесной ученой части", а Второму столу Отделения казенных заводов - "дела, относящиеся до усовершенствования машин, новых изобретений искусственных и художественных по Горной части" и дела по "разысканию слоев земных", т.е. геологоразведочные работы¹⁶⁹.

Однако уже в начале двадцатых годов становится очевидным, что сложившаяся структура не отвечает необходимым требованиям. Чиновники отделений, загруженные текущей канцелярской работой, конечно, не могли эффективно выполнять столь обширный набор задач, часто далекий от текущих управленческих вопросов. Требования к квалификации чиновников, которым можно было бы поручить научные задачи, также выходили за рамки возможного. Как следствие, с середины двадцатых годов в структуре Министерства финансов начинают создаваться вспомогательные подразделения - ученые комитеты, которым и передаются "дела по ученой части".

Столь активная перестройка научного обеспечения деятельности министерства стала возможна не в последнюю очередь благодаря Е.Ф.Канкрину, который возглавил финансовое ведомство в 1823 г.

Егор Францевич Канкрин (Георг Людвиг) вышел из династии потомственных специалистов горного дела. Его отец, специалист в области минералогии и горный инженер, был в 1784 г. приглашен на русскую службу для заведования соляными разработками и сделал хорошую карьеру. В конце XVIII - начале XIX вв. он был членом Берг-коллегии, а затем Горного совета¹⁷⁰. Сам Е.Ф. Канкрин обучался в Гиссенском и Марбургском университетах, в последнем из которых получил ученую степень доктора прав.

Еще в самом начале своей службы, в 1800 г., Канкрин составляет обстоятельную записку об улучшении овцеводства в России. И в дальнейшем он сохранил научный подход к предметам государственного управления, с которыми ему приходилось сталкиваться. Менялся лишь масштаб теоретического обобщения административной практики: с его службой в качестве военного интенданта связана работа "О средствах продовольствования больших армий", с деятельностью в качестве члена Государственного совета по Департаменту государственной экономии - "Всемирное богатство, национальное богатство и государственное хозяйство". В 1829 г. Е.Ф. Канкрин, возведенный в графское достоинство, с полным основанием избирает девиз: "Трудом"¹⁷¹.

С приходом Е.Ф. Канкрин к руководству Министерством финансов, начинают получать разрешение назревшие проблемы реорганизации министерских подразделений и структурного обособления специализированных ученых комитетов и советов.

В 1825 г. создается Горный ученый комитет. Специфика горного ведомства предопределила его создание не в рамках профильного департамента, а при Горном кадетском корпусе. Именно там были сосредоточены наиболее квалифицированные кадры горных специалистов. Кроме того, Корпус был в непосредственном подчинении директора Горного департамента.

Главной задачей Горного ученого комитета являлся выпуск "Горного журнала". Для этой цели из числа членов комитета избирались редакторы отделений журнала, для каждого - свой. Комитету надлежало также рассматривать проекты и изобретения по горной и соляной частям, поступающие в департамент. Организационное устройство комитета предполагало выборность членов и членов-корреспондентов¹⁷². В 1834 г. с введением военизированной структуры горного ведомства и созданием Корпуса горных инженеров Ученый комитет получает новое "Положение", расширившее его функции и одновременно сократившее степень академических свобод этого подразделения. Большинство состава Комитета не избирается, а назначается¹⁷³.

Исследовательская база горного ведомства была существенно усилена путем слияния лаборатории Горного департамента с лабораторией Горного кадетского корпуса и подчинением ее ученому комитету¹⁷⁴. Таким образом, впервые в практике создания вспомогательных научных подразделений был образован комплекс учреждений, включавший как научно-консультационный, так и опытный структурно выделенные "блоки".

Но наиболее интересной была попытка вывести деятельность ученого комитета за рамки центрального горного управления. Положение о Горном ученом комитете предусматривало создание в горнозаводских округах Горных обществ, которые должны были выступать на местах в качестве отделений Горного ученого комитета¹⁷⁵. Подобные идеи будут заложены и в соответствующие нормативные акты при создании Мануфактурного и Коммерческого советов¹⁷⁶, что свидетельствует о последовательном стремлении министерского руководства в 20-30-е годы XIX в. связать органы центрального управления, в том числе и ученые подразделения, с ведомственной сетью в провинции. В случае успеха они могли бы, во-первых, черпать необходимую им информацию, и, во-вторых, повышать научный и технический уровень на местах.

Однако данное начинание, безусловно, прогрессивное и целесообразное по своему замыслу, опередило время. Малое число подготовленных специалистов, низкий уровень производства, нередко отсутствие интереса у провинциальных чинов к созданию подобных объединений не позволили ни одной из структур Министерства финансов создать во второй четверти XIX в. реально действующие сети подобных подразделений на местах.

Так, по данным Н.С.Киняпиной, изучившей дореформенную историю Мануфактурного совета, в большинстве городов Мануфактурных комитетов и мануфактур-корреспондентов не было¹⁷⁷, а в большинстве городов, где создать их все-таки удалось, работа велась чрезвычайно вяло. Например, учрежденный в Нижнем Новгороде в 1828 г. Мануфактурный комитет, до 1830 г. вообще бездействовал¹⁷⁸. Столь же малые перспективы имелись и у проекта создания реально действующих подразделений Горного ученого комитета на местах. По данным И.А. Новикова, в конце 50-х гг. XIX в. во всех казенных горных округах работало всего лишь 142 горных инженера, а на частных заводах - 11 специалистов, получивших специальное высшее образование¹⁷⁹.

Из всех сфер государственного хозяйства, находившихся под управлением Министерства государственных имуществ, лесное хозяйство представлялось сферой наиболее сложной как для практической эксплуатации, так и для постановки дела на научную основу. Достаточно вспомнить, что в середине XIX в. только в губерниях Европейской России площадь лесов составляла 39,4% общей площади (1633396 кв. верст)¹⁸⁰, большая часть которых принадлежала казне.

Заложенные "Уставом о лесах"(1802 г.) меры, призванные "привести в известность" лесные богатства и наладить их рациональное

использование в соответствии с научно обоснованными методиками, требовали для своей реализации громадных средств, которыми правительство не располагало. Министерство финансов в 1820-е - 1830-е гг. не только не предпринимало мер, направленных на кардинальное изменение сложившегося положения, но, видимо осозная малую перспективность подобных усилий, стремилось передавать леса под управление других ведомств. Так, в 1818 г. леса при соляных заводах были переданы Соляным правлениям, в 1828 г. корабельные - в ведение Морского министерства и т.п.¹⁸¹

Тем не менее, в 1826 г. в составе Департамента государственных имуществ был образован Специальный ученый комитет по лесной части, которому предлагалось "сообразив все существующие по лесной части узаконения, согласив, дополнив и исправив их, изготовить проект новых лесных узаконений" и подготовить "предварительное наставление, каким образом начать правильное лесоводство по губерниям". Кроме того, в круг обязанностей новообразованного комитета входили текущие дела по ученой и практической частям лесоводства¹⁸².

Создание ученого подразделения в структуре лесного ведомства было не единственным мероприятием, направленным на повышение научного уровня ведения лесного хозяйства в стране. В соответствии с "Положением о новом устройстве лесной части" в 1826 г. в шести центральных губерниях были введены дополнительно должности ученых лесничих¹⁸³. В 1829 г. было осуществлено преобразование Форест-института - главного специализированного учебного заведения, готовившего кадры для лесного ведомства, а в 1834 г. под Петербургом основано Лисинское учебное лесничество и егерское училище при нем¹⁸⁴.

Все перечисленные меры носили скорее перспективный характер. Лисинское лесничество на долгие годы оставалось не только учебным полигоном, но и, по сути, единственным правильно организованным лесным хозяйством в стране.

Попытки, предпринятые во второй четверти XIX в. в лесном управлении по внедрению в практику управления государственными имуществами научных методов ведения хозяйства, наглядно показывают реальные сложности и, в конечном счете, ограниченные возможности реально повлиять на сложившуюся ситуацию. Препятствиями являлись ограниченность финансовых ресурсов, нехватка кадров и прочие обстоятельства, встававшие на пути всех ведомств. В этих условиях достаточно очевидной становилась оторванность от жизни задач, поставленных перед учеными комитетами.

По оценке товарища министра государственных имуществ Н.И. Гамалеи, который в 1841 г. осуществил ревизию деятельности лесного ведомства за первое тридцатилетие XIX в., "в отношении действительного ведения в лесах хозяйства и устройства, основанного на точных правилах науки, ничего или почти ничего не сделано, кроме приступа в Лисинском учебном лесничестве"¹⁸⁵.

Таким образом, Специальный ученый комитет по лесной части, как и ряд других ученых комитетов во второй четверти XIX в., в своей деятельности мало соприкасался с практикой. Причиной тому была, в первую очередь, недостаточная база для исследования лесных богатств страны. Неудивительно, что представлявшиеся комитетом предложения, "основанные на германских теориях лесной науки", справедливо вызывали сомнение в их применимости в российских условиях, столь далеких от условий Центральной Европы¹⁸⁶.

Если причины подобного положения дел достаточно очевидны, то последствия деятельности научно-прикладных подразделений вряд ли стоит сводить к непосредственному влиянию, точнее отсутствию влияния, на практику. Опережающее развитие научных разработок, подготовка кадров и привлечение ученых к работе в составе правительственных подразделений создавали комплекс необходимых предпосылок для дальнейшего развития той или иной сферы государственного хозяйства. Понимание данного факта заставляло руководство министерств поддерживать ведомственные ученые подразделения. В то же время, отсутствие ресурсов и, не в последнюю очередь, реальных механизмов внедрения научных рекомендаций в практику управления зачастую оставляли взаимодействие науки и государственной власти в плоскости, скорее, сосуществования, чем взаимодействия.

Таким образом, "просветительские", в широком смысле этого слова, установки бюрократической элиты 20-40 гг. XIX в. обеспечивали создание вспомогательных научных подразделений, в том числе и в тех сферах административного управления, где применение данных науки не являлось практической задачей не только текущего, но и ближайшего времени.

Процесс определения действительной роли и места научных подразделений в системе административного аппарата происходил непросто. Наиболее очевидно все изгибы правительственной линии в судьбе ученых подразделений проявились в ходе реформирования структур Министерства внутренних дел.

Медицинский совет министерства в 1822 г. был воссоединен с аналогичным советом Министерства духовных дел и народного просвещения. Этим решением был, наконец, ликвидирован искусственный отрыв медицинского управления от медицинской науки и подготовки кадров. Однако объединение под управлением Медицинского департамента всех сфер, составляющих медицинскую службу в государстве, создало соблазн организовать управление ею чисто бюрократическими методами. Уже в 1823 г. в недрах департамента рождается проект, главная суть которого сводилась к сужению научных и расширению хозяйственных функций Медицинского совета. Совет, по мысли авторов проекта, должен был состоять из 12 медицинских чиновников, "каждый из которых получит особенную обязанность по какой-либо из частей, врачебную науку составляющих". Главным содержанием деятельности членов совета должны были стать пробы аптечных материалов, хирургических инструментов, торги, подряды и т.п.¹⁸⁷

Не внес окончательной ясности в обсуждавшийся вопрос и специально созданный в 1828 г. комитет "О лучшем устройстве гражданской медицинской части"¹⁸⁸. Чиновники департамента, улучшая и совершенствуя проект положения о Медицинском совете, особое внимание уделяли денежному содержанию его членов. По их предположениям жалование действительных членов должно было составлять 3 тысячи руб., а председателя - 4 тысячи руб. в год¹⁸⁹, что превышало официально существовавшие в то время оклады министров. Таким образом, совет имел полную возможность превратиться в выгодную синекуру для чиновников от медицины.

Утвержденное в 1836 г. Государственным советом "Положение" о Медицинском совете носило половинчатый характер и просуществовало лишь 5 лет. Главная проблема, которая оставалась неразрешенной в "Положении" 1836 г., - вопрос о реальных полномочиях совета. Многочисленные задачи, поставленные перед ним в части совершенствования медицинской науки, надзора над медицинской практикой и аттестацией кадров, могли разрешаться лишь на рекомендательном уровне¹⁹⁰.

Насущные потребности совершенствования государственной медицинской службы, как гражданской, так и военной, заставили министерское руководство пересмотреть казалось бы уже определенную точку зрения на роль и место в системе министерства данного учреждения. Благотворной в этом отношении оказалась и смена главы Министерства внутренних дел. В 1841 г. министерский пост занял Л.А.Перовский, который активно поддержал новую реформу Медицинского совета.

В соответствии с новым Положением, принятым в 1842 г., статус этого подразделения менялся коренным образом. Медицинский совет отныне становился "высшим в государстве врачебно-ученым, врачебно- полицейским и врачебно-судебным местом"¹⁹¹. Таким образом, за советом закреплялось положение высшей правительственной инстанции, определяющей как научные, так и практические вопросы медицины. В соответствии со ст. 3 Положения "никакая мера по медицинскому устройству не представляется на высочайшее утверждение без предварительного обсуждения в Медицинском совете"¹⁹².

Предметы, отнесенные к ведению Медицинского совета разделялись на вопросы, относящиеся "к ученой части", и вопросы "по части судной". К числу первых были отнесены: рассмотрение открытий, относящихся к врачебной науке, цензура медицинских сочинений, народных лечебников и т.п., исследование новых фармацевтических средств, в том числе изыскание способов замены иностранных лекарств российскими, вопросы борьбы с эпидемиями, аттестация иностранных врачей, желающих получить практику в России и ряд других вопросов. По "части судной" на Медицинский совет была возложена окончательная экспертиза сомнительных случаев судебной медицины¹⁹³.

Вторым направлением деятельности Министерства внутренних дел, где вопрос подключения научных сил давно назрел и являлся насущно необходимым, была административная статистика. Первые попытки решения этой задачи были предприняты, как отмечалось выше, еще в Министерстве полиции в 1811-1819 гг. Однако проекты К.Ф. Германа и А.Д. Балашева так и остались нереализованными.

В двадцатые - первой половине тридцатых годов Статистическое отделение, существовавшее сначала при Канцелярии министра внутренних дел, а затем - при Департаменте полиции исполнительной, смогло выпустить лишь две сводные статистические работы с описанием городов и посадов Российской империи (1825 и 1833 гг.), содержавшие значительное количество неточностей. Положение дел в этом подразделении МВД ярко характеризуется следующим примером: к 1834 г. более 50 табелей, отражавших текущие статистические данные о численности населения, состоянии промышленности, земледелия и т.п., были потеряны¹⁹⁴. К 1830-м годам недостатки в системе сбора и анализа статистической информации стали более чем очевидны.

Образованное в 1834 г. при Совете министерства Статистическое отделение, должно было не только наладить сбор и анализ текущей статистической информации с мест, но и выступить в качестве коллегиально-

го совещательного органа, в который предполагалось привлечь "людей, отличающихся сведениями и опытностью в делах внутреннего управления"¹⁹⁵.

В соответствии с положением о Статистическом отделении, в его состав входили как чиновники министерства, так и члены- корреспонденты. Таким образом, по типу своего организационного устройства Статистическое отделение, как и большинство других ученых подразделений, было образовано в виде комитета. В числе важнейших задач, порученных отделению - составление общего плана статистических работ, определение форм статистической отчетности, поступающих из губерний, и создание "подробных, и по возможности точных, описаний состояния дел всех частей, подведомственных МВД"¹⁹⁶.

Вместе с тем, Статистическое отделение оказалось перегруженным многими функциями, которые были далеки от административной статистики, сколь широко бы ни трактовалось данное понятие. Так, в число задач вновь созданного подразделения входило "предварительное рассмотрение и соображение представляемых вновь планов городов, проекты новых разделений губерний и уездов, предположений о городских доходах и расходах, рассмотрение в хозяйственном отношении предполагаемых новых зданий" и т.п. Наиболее экзотичной обязанностью отделения было составление городских гербов¹⁹⁷.

Стремление нагрузить статистическое подразделение столь многообразными и разноплановыми работами не могло не сказаться на эффективности его деятельности. Действительно, анализ отчетов за вторую половину 30-х и 40-е годы свидетельствует, что дополнительные задачи отнимали большую часть времени сотрудников Статистического отделения. Так, в 1840 г. было утверждено более 20 планов городов, составлены гербы для 8 городов; в 1841 г. - гербы по 18 губерниям и т.п.¹⁹⁸

В совокупности обстоятельств, предопределивших малую эффективность деятельности этого подразделения в 30-е - 50-е гг. XIX в., наиболее существенную роль сыграло фактическое отсутствие ведомственной сети статистических подразделений в губерниях. Учреждение в 1834 г. вместе со Статистическим отделением Совета МВД губернских статистических комитетов осталось, по сути, лишь декларацией, поскольку эти решения не были подкреплены ни соответствующим финансированием, ни выделением штатных единиц в составе губернских правлений. По данным опроса начальников губерний, проведенного в 1853 г., состояние дел с губернской статистикой было признано неудов-

летворительным. Большинство губернаторов указали в числе причин, обусловивших плачевное состояние статкомитетов во вверенных им губерниях, нехватку денежных средств на производство работ, загруженность чиновников, привлеченных к работе в комитетах, иными обязанностями и отсутствие подробных инструкций министерства по сбору статистических сведений¹⁹⁹.

В этих условиях щедро выделявшиеся Статистическому отделению средства не изменяли принципов и конечной эффективности его деятельности: уже в 1836 г. министр Внутренних дел Д.Н.Блудов увеличил средства отделения на 5 тыс. рублей, а в 1839 г. в соответствии с новыми штатами министерства суммы, отпускавшиеся на Статистическое отделение, были увеличены до 24000 рублей серебром²⁰⁰.

Подобное положение дел свидетельствовало о своеобразном понимании министерским руководством специфики и задач и методов деятельности административной статистики. К.И. Арсеньев, приглашенный возглавить работы Статистического отделения, стремился направить деятельность вверенного ему подразделения на создание подлинно научных основ государственной статистики. Однако он не смог перебороть косность министерской бюрократии. Особенно усложнилась ситуация с уходом с поста министра Д.Н. Блудова.

Наиболее характерным примером, иллюстрирующим отношение руководства МВД к задачам административной статистики, формам организации работ и, в конечном счете, к тем программам, которые разрабатывались К.И. Арсеньевым, была ситуация с учреждением в 1843 г. Временного статистического комитета под председательством начальника канцелярии министерства М.И. Лекса.

В 1843 г. М.И. Леке, временно управлявший Статистическим отделением в отсутствие К.И. Арсеньева, представил на рассмотрение министра Л.А. Перовского записку, в которой предложил коренным образом пересмотреть организацию и задачи деятельности Отделения. Содержание этого документа, местами напоминающего донос, ярко рисует логику бюрократического подхода к научным вопросам.

Главная претензия, обращенная в записке к руководителю статистической службы, заключалась в том, что под его руководством Отделение затрачивает силы на исследование вопросов, не имеющих отношения к "явлениям государственных сил". По убеждению М.И. Лекса, "ей (статистике. - А.М.) следует отбросить все данные, которые удовлетворяют *одному бесплодному любопытству и отдаленным теоретическим видам* (выделено мной. - А.М.), а следует ограничиться только теми,

которые имеют практическую важность в администрации"²⁰¹. Прописав цели и задачи статистики, автор записки предложил и средства, при помощи которых, по его разумению, их можно было достигнуть. И здесь ничего оригинального по сравнению с бюрократическим шаблоном предложено не было: "Статистические исследования и описания совершаются специальными чиновниками, назначенными для сего от МВД"²⁰².

По возвращении К.И. Арсеньева, ему было сообщено о том, что министр одобрил предложения своего начальника канцелярии о "статистическом описании Российской империи посредством постепенного описания губерний через особых чиновников", для чего учрежден Временный статистический комитет под председательством М.И. Лекса²⁰³.

Деятельность комитета не принесла ощутимых результатов и заглохла сама собой. Однако формы вмешательства в работу ученого подразделения, уровень представлений, с позиций которых осуществлялась критика, достаточно убедительно показывают компетенцию значительного числа представителей николаевской бюрократии и характер их отношения к ведомственной науке в министерских стенах. Очевидное понимание необходимости развития государственной статистики сопрягалось с неумением и нежеланием выйти за узкие рамки привычных бюрократических способов деятельности. Убежденность во всемогущести чиновника, вооруженного приказом и инструкцией, оставила за бортом идеи К.И. Арсеньева о развитии сети корреспондентов в губерниях, расширении тематики работ административной статистики.

Вплоть до 30-х годов XIX в. проблемы аграрного сектора национальной экономики, повышения его эффективности путем внедрения новых способов земледелия, совершенствования сельскохозяйственной техники либо оставались делом частной инициативы, либо внедрялись казарменными методами, порождая "картофельные" бунты. Робкие спорадические попытки правительства сделать что-то для развития сельскохозяйственного образования и деятельность немногочисленных в тот период сельскохозяйственных обществ - вот, по существу, весь набор средств, направленных на решение важнейшей, после вопроса о крепостном праве, проблемы.

В 1833 г. президент Вольного экономического общества Н.С. Мордвинов обратился к Николаю I с запиской, в которой предложил реализовать с помощью ВЭО широкомасштабную программу по "усовершенствованию земледелия в России"²⁰⁴. Предложение Мордвинова было

передано Николаем I на рассмотрение в Комитет министров, который не нашел возможности "дать этим мыслям полное развитие обыкновенным порядком рассмотрения государственных дел". В результате "для получения надежнейших соображений по вопросу" был создан Комитет об усовершенствовании земледелия в России²⁰⁵.

Вопреки первоначальному замыслу, комитет был составлен не из представителей агрономической науки, а из высших сановников. В его состав помимо Н.С. Мордвинова вошли Е.Ф. Канкрин, Д.Н. Блудов, братья Д.В. и И.В. Васильчиковы, а управление делами комитета было поручено А.М. Княжевичу - в то время начальнику канцелярии министерства финансов. История этого комитета подробно рассмотрена В.И. Вешняковым на основе архивов Министерства государственных имуществ²⁰⁶. Практических итогов деятельность этого комитета, как и многих других высших комитетов николаевского времени, не принесла. Тем не менее, разработанные и представленные в Государственный совет проекты развития сельскохозяйственного образования, издания "Земледельческой газеты" и ряд других начинаний, поставили на повестку дня вопрос о создании постоянного государственного подразделения, занимающегося проблемами и нуждами сельского хозяйства.

Высказанные Н.С. Мордвиновым предложения, выражавшие идеи русских ученых - представителей сельскохозяйственной науки, оказались созвучны иной социально-политической задаче николаевского правительства: поиску средств и способов экономической стабилизации дворянского хозяйства. Таким образом, комплекс вопросов, которыми должно будет заниматься сельскохозяйственное ведомство к середине 30-х годов XIX в. был определен.

При создании в 1837 г. Министерства государственных имуществ в его составе был образован III департамент (с 1845 г. - Департамент сельского хозяйства), в обязанности которого входил широкий комплекс вопросов по совершенствованию сельскохозяйственного образования, развитию агротехники, ирригации, мелиорации, кроме того, в ведении этого департамента находились также лесоводство, кадастр и сельскохозяйственная статистика²⁰⁷. Во главе вновь образованного подразделения был поставлен адъютант Петербургской академии, впоследствии академик, П.И. Кеппен.

В составе департамента был образован Ученый комитет "для рассмотрения всех тех дел, которые, заключая в себе новые предложения по государственным имуществам и сельскому хозяйству, требовали сведений специальных и соображений ученых"²⁰⁸. Комитет состоял из

шести штатных членов и разделялся на три отделения: сельского хозяйства, лесного хозяйства и кадастра. Таким образом, перераспределение дел между вновь образованным Министерством госимуществ и Министерством финансов привело и к изменению структуры вспомогательных ученых подразделений: Специальный ученый комитет по лесной части, существовавший с 1826 г. в финансовом ведомстве, слился с Ученым комитетом МГИ.

Наглядное представление о реальных масштабах деятельности III Департамента и его Ученого комитета в 1837-55 гг. дает структура расходования средств на учебные и научные цели. Так, на устройство и содержание учебных ферм, обучение молодых крестьян в земледельческих и ремесленных заведениях было затрачено 927,5 тыс. рублей, на проведение сельскохозяйственных выставок - 45,1 тыс. руб., на приобретение сельскохозяйственных моделей и семян - 54,8 тыс. руб. За указанный период общая сумма дохода министерства составила 31,2 млн. руб.²⁰⁹. Таким образом, несложный подсчет показывает, что затраты на интересующие нас цели, составляли лишь около 4,4% от доходов, полученных министерством от эксплуатации государственных имуществ.

Конечно, роль и значение деятельности данных подразделений нельзя свести только к ее денежному эквиваленту, тем не менее, приведенные выше цифры показывают ту долю доходов, которая "рефинансировалась" в повышение эффективности хозяйства на основе внедрения новых научных знаний.

Учреждение Министерства государственных имуществ и Ученого комитета в составе его III департамента в целом завершило процесс формирования Ученых комитетов - постоянных вспомогательных подразделений в составе центральных органов государственного управления, осуществляющих научное обеспечение их деятельности.

Постоянные вспомогательные научные подразделения - ученые комитеты и советы - были созданы к концу 40-х гг. XIX в. в пяти министерствах: внутренних дел, государственных имуществ, финансов, военном и морском. Наиболее разветвленной к концу века оказалась структура научных подразделений Военного министерства. Немногом уступали ему министерства внутренних дел, финансов и Морское министерство. Уже сам перечень воссоздает систему сложившихся приоритетов и те сферы, где нашло себе применение научное знание в достаточном объеме. Процесс возникновения этих подразделений продолжался на протяжении всей первой половины XIX столетия и завершился в общих чертах в начале 1840-х гг.

К концу первой половины XIX в. выявились и те объективные границы, за пределами которых сложившаяся система ученых подразделений уже не справлялась с задачами научного и технического обеспечения. В первую очередь, это касалось осуществления конкретных работ, направленных на внедрение технических новшеств, выполнение объемных исследований и т.п. Следствием становится появление в 40-х - начале 50-х гг. XIX в. значительного числа временных подразделений: так, в Морском министерстве возникают Комитет о подводных опытах (1839-1853 гг.), Пароходный комитет (1842-1856 гг.); в Военном - Комитет об улучшении штуцеров и ружей (1830-1860 гг.), Временный артиллерийский комитет (1859-1862 гг.) и т. д.

1СЗ. Изд. 1892 г. Т. I. 4. II. Кн. V. Разд. XII. Ст. 885.

2Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. С.67-68.

3См.: Словарь Академии российской по азбучному порядку расположенный. 4. III. СПб., 1814.

4 Само понятие "наука" трактовалось как: во-первых, "ясное знание правил о каком-либо предмете", во-вторых, сочинение, текст, содержащий вышеозначенное, и, в-третьих, процесс обучения (см.: Словарь Академии российской... Ч. III).

5См.: Словарь Академии российской... 4. VI. СПб., 1822. Как известно, термин "ученый", обозначающий профессионального научного работника, возникает лишь во второй половине XIX в. (см.: Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. С.36-41)

6Ср.: "Ученое общество - общество ученых людей о распространении словесности или наук пекущихся" (Словарь Академии российской... 4. VI.).

7См.: Романовский С.И. История организации в России государственной геологической службы // Вопросы истории естествознания и техники. 1981. №3. С.121.

8См.: Ерошкин Н.П. Ук.соч. С.164-165; Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С.174; Павлова Г.Е. Организация науки в России... С. 105-106; Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. С.67-68 и др.

9Юркевич А.В. Психологические основания науки нового времени // Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 2. С.7.

10 Копелевич Ю.Х. Возникновение научных академий. Л., 1974. С. 15-19.

11 Там же.

12Старостин Б.А. Петербургская академия наук в поисках национальной самоидентификации // Российская академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. С.274-275.

13 Там же. С.314; Копелевич Ю.Х. Возникновение научных академий. Л., 1974. С.226-229.

14 Более подробную аргументацию данного тезиса см.: Миронос А.А. Российская бюрократия и наука. С.9-11.

15 Павлова Г.Е. Академия наук и власть: первое столетие. Становление научного центра // Российская академия наук: 275 лет... С.49.

16 Министерство финансов. 1802-1902. 4.1. СПб., 1902. С. 48-49.

17 См.: Фирсов Н.Н. Александр Первый. Личная характеристика // Былое. 1922. № 23. С.13-14.

18 Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. JL, 1988; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

19 ПСЗ-1. Т. XXVII. №20406.

20 Одним из лучших образцов подобных документов является очерк медицинского управления в России, предпосланный закону о реорганизации медицинского управления и образовании Государственной медицинской управы, который был написан В.Н.Каразиным. (См.: ПСЗ-1. Т. XXVII. № 21105).

21 Корнилов А.А. Курс русской истории XIX века. Ч. 1. М., 1918. С.119.

22 См.: Эволюция форм организации науки в развитых капиталистических странах. М., 1972. С.332.

23 Там же.

24 Мироненко С.В. Ук. соч. С. 52,54.

25 ПСЗ-1. Т. XXII. № 16188.

26 ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20406.

27 Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-JL, 1961. С. 120.

28 Григорьев Р.Г. Каразин Василий Назарович // Отечественная история. Энциклопедия. Т.2. М., 1996. С.495.

25 ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20407.

30 Там же.

31 Там же. № 20597.

32 Там же.

33 Там же. № 20863.

34 Там же. №20597.

" Павлова Г.Е. Организация науки в России ... С.53.

36 ПСЗ-1. Т. XXVIII. № 21498.

37 Там же. №21502.

38 Там же. Т. XXX. №23771.

39 Там же.

40 ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20406.

41 Там же.

42 Там же.

43 Там же. № 20852.

- 44 См.: Гозулов А.И. Очерки истории отечественной статистики. М., 1972. С. 54.
- 45 ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20582.
- 44 Цит. по: Кауфман А.А. Статистическая наука в России: теория и методология. 1806-1917. Пг., 1922. С.47.
- 47 ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20852.
- 48 Там же.
- 49 Сперанский М.М. Ук. соч. С.27.
- 50 ПСЗ-1. Т. XXVII. № 21105.
- 51 ПСЗ-1. Т. XXVII. № 21105.
- 52 Там же.
- 53 Там же. Вряд ли можно согласиться с Г.Е.Павловой (См.: Павлова Г.Е. Организация науки ... С.107) в том, что таким образом был впервые предложен проект организации Российской Академии медицинских наук. Из контекста очевидно следует, что речь шла об организации Медицинского совета на принципах, принятых в научных сообществах.
- 54 ПСЗ-1. Т. XXVII. № 21105.
- 55 Там же. № 20506.
- 56 Там же.
- 57 Там же.
- 58 Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии, Т.3. М., 1993. С.552.
- 59 Министерство финансов. 1802-1902. 4.1. С.155.
- 60 Лоранский А.М. Краткий очерк административного учреждения Горного ведомства в России. 1700-1900. СПб., 1900. С. 63.
- 61 ПСЗ-1. Т. XXIX. № 22208.
- 62 Там же.
- 63 Там же.
- 64 Научно-исторический сборник, изданный Горным институтом ко дню его столетнего юбилея. СПб., 1873. С. 34.
- 65 ПСЗ-1. Т. XXVIII. № 21699.
- 66 Там же. Т. XXVII. № 20859.
- 67 Там же. Т. XXVIII. № 21699.
- 68 Там же.
- 69 Журнал начал выходить с 1807 г. под названием: "Записки, издаваемые Государственным Адмиралтейским Департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности".
- 70 ПСЗ-1. Т. XVIII. № 21699.
- 71 Там же.
- 72 См.: Павлова Г.Е. Декабрист Николай Бестужев - историк русского флота. М., 1953.
- 73 ПСЗ-1. Т. XXXVIII. № 21699.

74 Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом ... 4.1. СПб., 1807. С.2.

75 Керсновский А.А. История русской армии. Т.1. М., 1992. С.204.

76 Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т.2. С.111.

77 См.: Ратч В.Ф. Сведения о гр. А.А.Аракчееве // Военный сборник. 1863. № 5-12.; Хмыров М.Д. Главные начальники русской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1866. № 4; Ячменихин К.М. Алексей Андреевич Аракчеев // Вопросы истории. 1991. № 12. и др.

78 См. также: Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 г. // Артиллерийский журнал. 1852. № 4-6; 1853. № 1. Нилус А.А. История материальной части артиллерии. СПб., 1904. Т.2. и др.

79 Герасимова Ю.И. Архив А.А.Аракчеева // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1980. Вып.41. С.60-61.

80 Цит. по: В.А.Федоров М.М.Сперанский и А.А.Аракчеев. М., 1997. С.96.

81 ПСЗ-1. Т.ХХIX. № 22708.

82 Там же. Т.ХХХI. № 24313.

83 Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 год 7/ Артиллерийский журнал. 1853. №. 1.С.200.

84 Там же.

85 Богданов Л.П. Русская армия в конце XVIII - первой четверти XIX вв. (Организация, управление, комплектование, вооружение). Дисс. ... д.и.н. М., 1981. С.311-316.

86 Там же. Т.ХХХ. № 23399. См. так же: О занятиях Артиллерийского комитета и инструкция о проведении экзаменов при производстве в артиллерийские офицеры // Артиллерийский журнал. 1808. № 6. С.94-95.

87 Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С.209-211.

88 См.: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы; Окунь С.Б. Очерки истории СССР конца XVIII - первой четверти XIX в. и др.

89 ПСЗ-1. Т.ХХХI. № 24686.

90 Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие ... С. 186.

91 ПСЗ-1. Т.ХХХI. № 24686.

92 Там же. № 24307.

93 ПСЗ-1. Т.ХХХI. № 24688.

94 Юбилейный сборник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. СПб., 1913. С.8.

95 Цит. по: Романовский С.И. История организации в России геологической службы // Вопросы истории естествознания и техники. 1981. №3. С.121.

96 Павлова Г.Е. Организация науки ... С.44.

97 Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. С.49.

98 Вигель Ф.Ф. Записки. Ч.3. М., 1892. С.107.

- 99 ПСЗ-1. Т. XXXI. № 24680, 24687, 24688.
- 100 Там же. № 24678. § 31-34. См. также: Моисеев А.И. Медицинский совет Министерства внутренних дел. СПб., 1913. С.7.
- 101 ПСЗ-1. Т. XXXI. № 24687. § 31-34.
- 102 Там же.
- 103 Там же. № 24900.
- 104 Там же. Т. XXXIV. № 27106.
- 105 ПСЗ-1. Т. XXXIV. № 27106.
- 106 Георгиевский А.И. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. №10. С.26.
- 107 Цит. по: Георгиевский А.И. Ук.соч. С.29.
- ⁰⁸ Там же.
- 109 В числе профессоров, подвергшихся гонениям, оказались К.Ф.Герман и К.И.Арсеньев - организаторы отечественной административной статистики. См.: Рождественский С.В. Первоначальное образование Санкт-Петербургского университета 19 февраля 1819 г. и его ближайшая судьба. Пг., 1919. С. 10.
- 110 Рождественский С.В. Ук.соч. С.30.
- 111 Рождественский С.В. Ук.соч. С.30.
- 112 ПСЗ-1. Т. XXXII. № 24971.
- 113 Савельев А. Исторический очерк инженерного управления в России за время царствования имп. Николая I. С.245.
- 114 Положение о военно-ученом комитете. СПб., 1836. С.2-4.
- 115 ПСЗ-2. Т. XLIII. Приложение к № 27715.
- 116 Белогуров С.Б. История военной периодической печати в России (XIX - начало XX в.). Дисс. ... д.и.н. М., 1997. С.108.
- 117 Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 1-17. СПб., 1848-1854.
- 118 ПСЗ-1. Т. XXXII. № 24971.
- 119 Там же. Т. XLIII. Приложение к № 24744.
- 120 Постников А.В. Ф.Ф.Шуберт // Творцы отечественной науки. М., 1996.
- 121 ПСЗ-1. Т. XLIII. Приложение к № 24744.
- 122 ПСЗ-2. Т. XLIII. Приложение к № 27715.
- 123 Статистический журнал. Т.1. 4.1. СПб., 1806. С. 16.
- 124 Цит. по: Юбилейный сборник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. СПб., 1913. С.2.
- 125 Там же.
- 126 Там же. С.3.
- 127 Полшко Б.Г. Социально-экономическая статистика дореформенной России. Автореф. дисс. ... д.э.н. Л. 1963. С. 10.
- 128 ПСЗ-1. Т. XXXI. № 24688. § 148.
- 129 Там же. § 149-151.
- 130 СЗ. Т.1. Ч.Н. Разд. V. § 586.
- 131 Там же. § 588.

- 132 См., например: Хартанович М.Ф. Ученое сословие России. Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб., 1999.
- 133 Мироненко С.В. Николай I // Российские самодержцы. М., 1994. С.97.
- 134 Лебедев Н.А. Исторический взгляд на учреждение училищ, школ, учебных заведений и ученых обществ, послуживших к образованию русского народа. СПб. 1874. С. 160-161.
- 135 См.: Хартанович М.Ф. Ук.соч. С. 14-29.
- 136 См., например: Корф М.А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Рождение и первые двадцать лет жизни (1796-1817) // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.98. СПб., 1896. С.26.
- 137 Цит. по: Белогуров С.Б. История военной периодической печати в России (XIX-начало XX в.). Дисс. ... д.и.н. М., 1997. С. 105.
- 138 Хартанович М.Ф. Ук.соч. С. 19.
- 139 Мироненко С.В. Николай I // Российские самодержцы. М., 1994. С.98-100.
- 140 Савельев А. Исторический очерк инженерного управления в России. С. 17.
- 141 ПСЗ-1. Т. XXXVI. № 27998.
- 142 Савельев А. Ук.соч. С.222.
- 143 Предписание директора Инженерного департамента № 2116. 24.04.1826 г. // Савельев А. У к. соч. Приложение. С. 178.
- 144 См.: Положение о Военно-ученом комитете. СПб., 1836.. С.2.
- 145 Там же. § 60. С.26.
- 146 Мазинг Ю.Г. К.А.Шильдер. М., 1989. С.55.
- 147 Савельев А. Ук.соч. С. 120-121.
- 148 Мазинг Ю.Г. Ук.соч. С.84-86.
- 149 СВП изд. 1859 г. Разд. III. Гл. 5; ПСЗ-2. Т. XXXV. № 35816.
- 150 Мазинг Ю.Г. Ук.соч. С. 101.
- 151 Там же. С.83.
- 152 Там же. С.90.
- 153 Цит. по: Мазинг Ю.Г. Ук.соч. С.103.
- 154 Там же. С.97.
- 155 Яроцкий А.В. П.Л.Шиллинг. М., 1963. С.96,100.
- 156 Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991. С.369.
- 157 Яроцкий А.В. Ук.соч. С.97.
- 158 Там же. С. 123.
- 159 Там же. С. 125.
- ¹⁶⁰ Савельев А. Ук.соч. С. 176.
- 161 Там же.
- 162 Татаринов М.П. А.А.Саблуков. М., 1952; Мазинг Г.Ю. К.А.Шильдер; Яроцкий А.В. П.Л.Шиллинг; Радовский М.И. Б.С.Якоби. М.-Л., 1949.
- 163 Корф М.А. Ук.соч. С.30.

- 164 Из дневника и записной книжки гр. П.Х.Граббе // Русский архив. 1889. Кн. III. №.10. С.707.
- 165 Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. М., 1995. С.153.
- 166 Чичерин Б.Н. Москва сороковых годов // Русское общество 40-50-х годов XIX в. 4.2. Воспоминания Б.Н.Чичерина. М., 1991. С.25-26.
- 167 РГИА, ф.398, оп.13, д.4473, л.9-10.
- 168 ПСЗ-1. Т.XXXI. № 24688.
- 169 Там же.
- 170 Канкрин Франц Людвиг // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т.5. С.545-546.
- 171 См.: Божерянов И.Н. Граф Канкрин. Литературные труды и 20-летняя деятельность управления Министерством финансов. СПб., 1897.
- 172 ПСЗ-1. Т.XL. №30423.
- 173 ПСЗ-2. Т.IX. № 6747.
- 174 Лоранский А.М. Ук.соч. С.68.
- 175 ПСЗ-1. Т.XL. №30423.
- 176 Г.Е. Павлова относит Мануфактурный совет к числу ученых комитетов и советов (Павлова Г.Е. Организация науки... С.114). По нашему мнению, справедливо говорить лишь о придании этому совету некоторых функций, свойственных ученым подразделениям, но основные его задачи были иными.
- 177 Киняпина Н.С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20 - 50-е годы 19 в.). М., 1968. С.235.
- ¹⁷⁸ГАО, ф.1398, оп.1.
- 179 Новиков И.А. История формирования и развития управления горнозаводской промышленностью Урала в XVIII - первой половине XIX вв. Дисс. ... к.и.н. Челябинск, 1999. С.188.
- 180 Россия: Энциклопедический словарь. С.252.
- 181 Празднование столетия Лесного департамента. СПб, 1898. С.11.
- 182 Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Т.III. Отд. II. С.23.
- 183 ПСЗ-2. Т.I. № 415.
- 184 Лебедев Н.А. Ук.соч. С.134-135.
- 185 РГИА, ф.398, оп.6, д. 1586, л. 10об.
- 186 Там же. Л.11.
- 187 Моисеев А.И. Медицинский совет Министерства внутренних дел. С. 10-11.
- 188 ПСЗ-2. Т.III. № 2073.
- 189 Моисеев А.И. Ук.соч. С. 14.
- 190 ПСЗ-2. Т.XI. № 9319.
- 191 ПСЗ-2. Т.XVII. № 15202.
- 192 Там же.
- 193 Там же.

- 194 Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. СПб., 1862. 4.2. Кн.2. С.332-336.
- 195 ПСЗ-2. Т.IX. №.7684.
- 196 Там же.
- 197 Там же.
- 198 РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 104, л. 10,11,29 об.
- 199 РГИА, ф. 1290, оп. 1, д.310, л.64,64 об.
- 200 Дополнение к ПСЗ-2.Ч.1. №.9103а.
- 201 РГИА, ф.1290, оп.1, д.141, л.2-3.
- 202 Там же. Л.5.
- 203 Там же. Л.Моб.
- 204 ПСЗ-2. Т.VIII. № 6567.
- 205 Там же.
- 206 Вешняков В.И. Высочайше утвержденный комитет об усовершенствовании земледелия в России // Исторические материалы, извлеченные из архива Министерства государственных имуществ. Вып.1. СПб., 1891.
- 207 ПСЗ-2. Т.XII. №.10834.
- 208 Там же.
- 209 Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 4.1. СПб., 1887. С.72.